

18+

Николай Колос

ПЕРЕКРЁСТКИ
(ХРУПКОЕ РАВНОВЕСИЕ)

КНИГА ТРЕТЬЯ

Николай Колос

Перекрёстки. Хрупкое равновесие

«Издательские решения»

Колос Н. Л.

Перекрёстки. Хрупкое равновесие / Н. Л. Колос —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689064-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Сейчас не читают или почти не читают
художественной литературы. Хорошо это или плохо — не знаю. Ведь
Неандерталец тоже не читал художественной литературы. Было время, когда
нужно было просто выжить. Наверно, и сейчас настало такое время, что
нужно просто выжить. Не до художественной литературы. Время технарей!
Как и у Неандертальца — время улучшать орудия охоты. Орудие убийств. Но
настало время, что они вволю наелись и стали рисовать на скалах. Настанет,
думаю, время, и люди вновь начнут читать.

ISBN 978-5-00-689064-0

© Колос Н. Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Это моя третья книга, «Перекрёстки». Но так – как я писал пролог для первой и второй книги, то пролог для третьей книги будет короткий. Я хотел писать свой роман с волнующими меня событиями, а они начинались до революционной России, до той России в которой жили мои родители. И эти события должны были закончиться сегодняшнем днём и, вместиться в три книги. Но я написал три книги и дошёл только до 1917-го года. Я увлёкся. Оно бы и ничего, но мне сейчас без четырёх месяцев 96 лет. Даст ли мне моя жизнь шанс закончит задуманное не знает никто, в том числе и я. Но я после издания третьей, этой книги «Перекрёстки», продолжу писать четвертую, а там как решит Бог и моё здоровье	7
Приятного прочтения – автор	8
Глава 1. Две стороны одной медали	9
Глава 2. Спасительная ссылка	14
Глава 3. Страх объединяет...	19
Глава 4 Исподволь лихорадит	24
Глава 5. Потерявшийся. Или «Пути Господние неисповедимы»	29
Глава 6. Исповедь	34
Глава 7. Если есть пророчества – то их пишет сама жизнь	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Перекрёстки Хрупкое равновесие

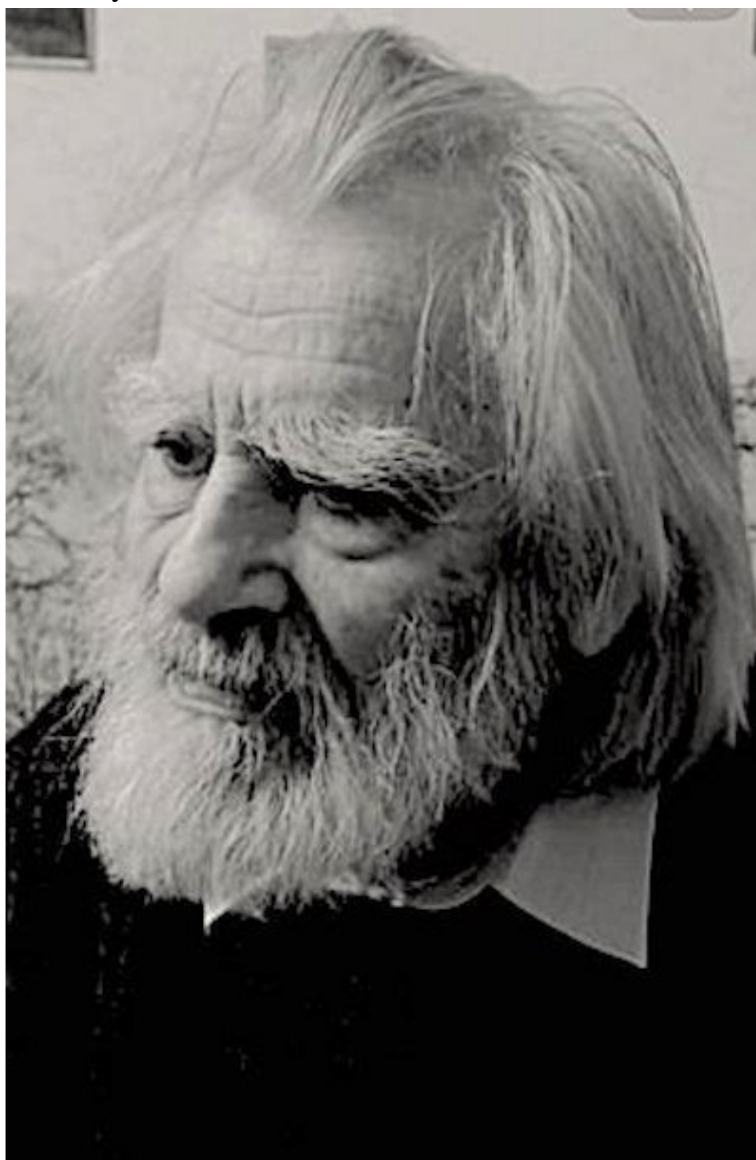
Николай Леонидович Колос

© Николай Леонидович Колос, 2025

ISBN 978-5-0068-9064-0 (т. 3)

ISBN 978-5-0062-0967-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Это моя третья книга, «Перекрёстки». Но так – как я писал пролог для первой и второй книги, то пролог для третьей книги будет короткий. Я хотел писать свой роман с волнующими меня событиями, а они начинались до революционной России, до той России в которой жили мои родители. И эти события должны были закончиться сегодняшнем днём и, вместиться в три книги. Но я написал три книги и дошёл только до 1917-го года. Я увлёкся. Оно бы и ничего, но мне сейчас без четырёх месяцев 96 лет. Даст ли мне моя жизнь шанс закончит задуманное не знает никто, в том числе и я. Но я после издания третьей, этой книги «Перекрёстки», продолжу писать четвертую, а там как решит Бог и моё здоровье

Приятного прочтения – автор

Глава 1. Две стороны одной медали

Поезд километр за километром подвигался на Запад. Шёл медленно, но уверенно. Кочегар лопатой подсыпал уголь в его горячую топку. Он же на узловых станциях поил ненасытный тягач необходимой водой. Уголь и вода двигали эту махину на Западный фронт. Машина тянула двенадцать товарных вагонов битком набитых человеческими особями мужского пола. Это были, в основном, рекруты – необходимый материал, питающий ненасытного монстра, называемого Войной! Он пожирал всё! И так же как паровоз требующий для своего движения угля и воды, так же и тот монстр для своего существования требовал человеческой крови, человеческих костей и мяса. А иначе никак! Иначе он пропадёт, как говорится, во цвете лет! Только кто ж до этого допустит?! – Никто! Вот и тащит, так называемый поезд, на западный фронт его основную пищу – людей!

– Знаешь, я тебе так скажу – и Васька задумался. Потом как встрепенулся и продолжал. – Для завязки и чтоб... как по маслу шли наши тары-бары начну вот с чего. – Товарняк тянется со скоростью сорок километров в час. Но так как ему не нужна остановка, чтоб поесть овса и немного поспать, то он движется все двадцать четыре часа в сутки...

– Это ты к чему? – Спросил его собеседник.

– Не перебивай!.. А то оборвётся нить рассуждений. Дай построить логическую пирамиду...

– Тогда послушай, что тебе скажет знающий человек про логическую пирамиду. – Слово то какое придумал!

– Это ты что ли... знающий человек? – А слово литературное. Я человек читающий...

– Это я знающий человек, ты угадал. Твоя логическая пирамида летит к чёрту!.. Потому что в среднем товарняки сейчас ходят 16—18 километров в час. Вот и строй свою пирамиду на реальных километрах и фундаментальных основах, а не брешь не зная что, или брешь, но знай кому...

– А ты что замерял? – Нет же не замерял! ... А я рассуждаю согласно параграфов технической литературы. Кузнецом работал... лошадей подковывал... и рекрутанули меня ради подковок!.. Лошадиных...

– Ладно гутарь дальше, а то на душе тошно ... – Сказал Петро.

– Так вот, если выбросить ненужные для товарняка, но вынужденные остановки, чтоб пропустить более важные составы – получится в среднем километров по... хотя ты уже сказал – восемнадцать ежечасно... умножаем на двадцать четыре часа и вот вам – четыреста пятьдесят километров в сутки. Лошадьми, а тем более пеши такой путь не осилишь. —

Так рассуждал, свесивши ноги через дверьдвигающегося товарного вагона, десятник Васька Нечипоренко. С ним сидел рядом и тоже свесил ноги через дверь наружу знакомый нам из двух книг, бывший сотник, а сейчас десятник, разжалованный полковником Дончаком – Петро Войцеховский. Поезд двигался на Запад. Если быть точным – на западный фронт. Шёл 1916-й год. И видимо убиенные там нужны были...

– Ну – четыреста пятьдесят... что дальше – ехидно спросил Петро. Мы помним – его полковник Дончак отправил на западный фронт.

– А дальше выводы будем делать в конце моего рассказа, или точнее – моих рассуждений...

Стояла тёплая донская осень. Медленно проплывали донские пейзажи заметно тронутые уже багрянцем. Петро ничего не ответил, а Васька продолжал рассуждать, или скорее повествовать. – Рассказывал мой дед – говорил Васька – что он прошёл Крымскую Операцию. Так он называл войну в тысяча восемьсот пятидесятых годах. Россия воевала против коалиции с разных стран – Англии, Франции, Турции... ну и другой шантрапы. – Петро молчал, а Васька,

с безразличием повествовал. – Общим театром, как говорил дед, командовал Александр Сергеевич Меншиков, а уж защитником Севастополя был адмирал Корнилов ... —

Здесь Петро в сердцах швырнул соломинку, что до этого молча жевал и выпалил —

– Ну и для чего ты мне всё это гутаришь?! Вот где мне все твои адмиралы и генералы! – И он торцом ладони провёл по шее. – Надоели!

Поезд шёл с небольшого уклона и набирал скорость явно больше восемнадцати километров в час. Ветер трепал их чубы.

– Да ты не кипятись! Ты же не знаешь, что я хочу рассказать дальше и... к чему я веду, – не утомился Васька.

– Ну рассказывай ... – сказал Петро, махнул безразлично рукой в знак согласия и отвернулся, давая понять, что рассказ Васьки ему до лампочки...

– Так вот слушай. – Запросил, вроде бы уже хворавший Меншиков, у нашего батюшки Николки...

– У твоего, что ли батюшки... генерал запрашивал?!

– Ну ты даёшь! У Царя-Батюшки нашего – Николки Первого, запросил подмогу, да и денег на устройство фортификаций и дорог крымских для армии. А их строил, сказывают инженер-полковник Тотлебен... Фамилия какая то непонятная. Да там всё было непонятно – сказывал дед. Васька откашлялся плюнул и проследил куда ветер отнесёт его плевок. Потом расстегнул ворот гимнастёрки, подставил грудь ветру и продолжал —

– Ну и послал Николашка в Крым армию – Меншикову на подмогу. Говорили тысячу восемьдесят наберётся! Шли ровно год! Пеши! Пришло процентов двадцать без сапог и все ноги в ранах... Кумекаешь? – Куда делись остальные? – Не понятно... Продавали их по дороге... что ли? – Вот как ты думаешь?

– Да не продавали! – Уже заинтересовано вставил Петро. – Баб холостых-то много... вот и оставались примачами – всё лучше, чем гнить заживо в окопах.

– Вот – вот! А как же там полковник или капитан – ну что вёл их?

– Как?! – восемьдесят тысяч по дорогам! – Представляешь?! Все в грязюке, как чурки, да и растянулись наверно вёрст так – на сорок... попробуй уследи! – уже убедительно сказал Петро. Васька продолжал —

– То-то! Год гнали! – Можно и растеряться. А здесь четыреста пятьдесят километров в сутки... Десять – двенадцать дней... и окопы... Он почесал затылок, ещё раз с остервенением сплюнул и продолжал. – А Тотлебену на дороги и на фортификации вместо запрошенных пятидесяти тысяч золотом, Николашка дал двести пятьдесят рублей ассигнациями, и сказал «Всё равно разворуют!» – вот и войю с такими царями! А как будет с нами – я не знаю... Поезд то привезёт быстро – не отстанем ведь... по дороге... глядишь через неделю – и... вшей кормить за будь здоров будешь, да сухари грызть, сказывают, и то не каждый день.

Петро почувствовал единомышленника, потёр себя по лбу и хотел что-то сказать, но не успел. Разговор перехватил есаул – командующий вагоном. Он всё это время стоял сзади и дал знать доверенным ему подорожным. Четыре человека мигом подскочили, обоих, ещё не сформировавшихся заговорщиков, втащили в вагон и закрыли проём двери металлической решёткой, специально изготовленной для перевозки рекрутов в таком типе вагонов.

Есаул понимал, что казаков, ехавших на войну, и, конечно, не по своей доброй воле, злить не нужно. Можно оказаться выброшенным из вагона и в пути его никто не защитит, поэтому он сделал всё возможное. Закрыл вагон решёткой и всё. На первой узловой станции он вызовет железнодорожный патруль и их высадят из вагона, а дальше, что будет с ними – забота уже не есаула. Поэтому он подошёл и сказал —

– Господа казаки, я лишь позаботился, чтоб предотвратить ваше случайное падение из вагона. Пока я отвечаю головой за ваши жизни. Так что не обижайтесь. Я сейчас как и вы

человек подневольный... война... и не хочу быть вздёрнутым на виселице. Так что – вот так – И есаул отошёл в сумерки вагона.

– Подмазывается скотина! – Шёпотом процедил Петро. Его только что испечённый корыш ничего не ответил. Больше того, что он рассказал о Тотлебене уже говорить не хотелось. Пока не поймёшь кто враг, а кто друг. – Всё перемешалось. Может выпытывает, зараза, чтоб сдать за ни понюх табаку Я и так наговорил уже много. И он зевнул, растянулся на соломе, что служила мягкой подстилкой и отвернулся.

– Ну чего морду воротишь?! – Не унимался Петро. – Надо что-то делать, пока мы ещё живы.

– Чего пристал?! Я тебе затравочку дал... как в книжках написано... а там дело твоё... ты сам себе хозяин...

– Так ты что, сука! – Хотел спровоцировать меня, потом сдать куда следует?! – И Петро поднялся, огрел его лежачего сапогом носка в спину и отошёл. Его новоиспечённый попутчик вместо возмущения громко рассмеялся. Петро оглянулся, остановился и подумал: «Сумасшедший, что ли?». Но дальше не стал развивать свою мысль, свалился где стоял и стал безразлично изучать потолок вагона.

Так прошло полчаса. Через мерные отрезки времени колёса вагона проходили стыки рельс и пели свою подорожную песню – тук-тук, тук-тук! Петро задумался. Разве нельзя было придумать, чтобы между каждым концом рельса не было таких промежутков? И он начал в своей голове конструировать стыки... Конструкция как-то не клеилась, тем более подошёл Васька, получившим от него пинка в спину и конструкция совсем развалилась. Васька сел и сказал —

– Ты меня братишка долбанул в спину своим сапожищем, то с одной стороны это как-то не по-товарищески, а с другой стороны оно и ничего – потому, что ответочка за мной... И ты её получишь в нужное для меня время, и, нужной для меня валютой. Я не тороплюсь...

– Поэтому ты ехидно и засмеялся, шельма...

– Может быть и поэтому... Но дело-то в другом... чего я и хочу с тобой обсудить. Только шельмой называют представительниц женского пола... и если ты захочешь следующий раз меня оскорбить – покопайся в мужском словаре. Но опять дело не в этом.

– В чём же? – Буркнул Петро. Васька понизил голос до шёпота.

– Я-то буду подальше от того места, где снаряды рвутся... так примерно километра за три... лошадок подковывать... а ты будешь в самом пекле, где вши и осколки горячие. Поэтому тебе самый раз подумать о том, что я хочу предложить.

– Предлагай... покумекаю... Но учти, что это предложил ты.

– А ты ещё и трус... оказывается... а казак!

– Ладно, проехали... Говори.

– Короче говоря – нужно отсюда рвать когти! Вот о чём нужно кумекать.

Метра за два в тени вагона лежал на соломе деревенский салага. И хотя казаки говорили очень тихо, он их разговор услышал и подполз ближе —

– Господа казаки, возьмите меня собой. Мне страшно... на фронт.

– Куда тебя, сопля, взять? – Едем-то в одном направлении – считай, что тебя взяли – Сказал Петро.

– А вообще-то слушать чужие разговоры, считай что шпионить, не по мужицки. Жаль, что дверь с решёткой, а то я бы тебя так и вышвырнул! – Добавил Васька. – Чувствовалось, что паренёк съёжился...

– Не дрейфь, это он так шутит. – Поспешил успокоить его Петро.

Долго ли, коротко, но дотянулись до Жмеринки. Товарняк с рекрутами загнали в тупик. Мужики обрадовались, потому что знали – в этом случае подъезжает кухня и им выдают полтора килограмма черняжки, котелок варёной картошки пополам с мясом и грамм сто пятьде-

сят казёнки. В русской армии на тот час солдату полагалось 175 грамм мяса и 80 грамм водки. Но так как ежедневно не было возможности подвезти полевую кухню, то рекруты грызли сухарики. А потом, при возможности мясные продукты и спиртное условно суммировалось, учитывая те обстоятельства, что интендантские службы тоже желают со своими семьями хорошо питаться.

Но главное в том, что это была маленькая дорожная радость. Можно было выйти и походить рядом с вагоном, разминая косточки, да и по надобностям сходить не на дырку в вагоне, а свободно... за вагоном. На перрон, где были общие туалеты – не пускал конвой. Чтоб не заблудились... не дай Бог!

Но, решётчатую дверь нашего вагона почему-то не открывали. Уже слышался приятный запах варева, а решётка на замке. Началось возмущение, но длилось не долго.

Прибыли с воли солдаты в количестве четырёх человек и сержант с красной повязкой на рукаве. К ним вышел вагонный есаул. Он успел сойти раньше.

– Ну где они? – Спросил сержант у есаула.

– Рекруты будут выходить и я их покажу – ответил тот.

Он указал на нашу парочку. Её отсортировали, поставили возле вагона и объяснили им, что они арестованы за подозрение побега. – Поэтому набирайте полные котелки варева. Положенную казёнку выпейте здесь на месте, а пообедайте уже в каталажке.

– За что? – Спросил Петро.

– Не разговаривать! Там разберёмся! – Строго гаркнул сержант. – Против силы не попрёшь!

Когда они под конвоем отошли километра на два от вокзала и оказались на безлюдной дороге, сержант скомандовал: «Привал для отдыха!» И конвоиры и арестанты нашли какие-то кочки, разбрелись по дороге и сели. Сержант подошёл к арестованным и спросил закурить. Арестованные оказались некурящими.

– А ещё и казаки! – Пожурил их сержант. А потом заговорщически сообщил. – Понимаете, братва, время военное, каталажка военной комендатуры забита до отвала, трамбовать вас некуда, Гражданская каталажка вас не примет, да и не положено – рекруты вы всё таки, понимать надо. Поэтому по законам военного времени вам полагается каюк. – По патрону с горячей пулей на каждого! Их нам выдали ... – Но!.. Я ж не какойнибудь кровопиец! – Так что выворачиваем ваши карманы, заберём всё лишнее – половину всего, что у вас имеется... а вас, чтоб через пять минут я не видел. Начнём стрелять вам в бег через десять минут! Старайтесь отбежать подальше! Кандалы из рук мы отцепим, вы их выбросите сами подальше. Ферштейн?!.. Ну я так и знал – золотые монеты зашиты в подштанники. Это первейшее, что проверяется. Учтите на будущее.

– А оно у нас будет? – Старался безразлично спросить Васька.

– Будет, будет! В зависимости от того, что я найду в карманах – ответил сержант стаскивая с Петра кальсоны. – Так – восемь золотых я вам оставляю, чтоб сбежали подальше!.. Ха!.. а у тебя, братишка, только ассигнации – сказал он Ваське. – Ну ладно пойдёт! Прицельная стрельба наших стрелков зависела только от содержимого ваших карманов. Так что ноги в руки!..

Когда уже парочка скрылась за поворотом дороги и за группой то ли верб то ли клёнов – (распознавать было некого), послышался один выстрел, но как-то глухо, как будто не родной... Рядовые конвоиры получили по золотому и по три рубля каждый. Сержант был не скупой и рассуждал здраво. – Весь калым забрать сам он не мог – опасно злить рядовых конвоиров. Такие дела...

Казацкий десятник Петро и его случайный поделщик сразу получили статус дезертиров – гораздо раньше, чем они планировали. Попытка сдаться властям и рассказать как было на самом деле была зарезана на корню.

Куда податься сейчас – вопрос не стоял. Конечно в свои родные пенаты! – Там любой куст, любой сарай приютит своего земляка, а мирные крестьяне да и рабочие как-то патриотизмом, в те времена, не страдали. Если и страдали, то по-своему – патриотизм ведь понимается по-разному. Земляков властям не сдавать ни под каким соусом – тоже, ведь, патриотизм! Так что здесь была загвоздочка, которую нужно рассматривать в разных ракурсах. Погибнуть за Царя-Батюшку – конечно по царски патриотизм, но что ты сделал кроме того что погиб? – Чуть, чуть пострелял, а может и нет... но погиб! А вот если останешься живой, то сделаешь, может быть, много для семьи, для страны и для того же Царя-Батюшки, который в этот момент будет править балом! Так что здесь – бабка на двое гадала...

Сержант, начальник конвоя, деньги не все забрал, на дорогу им оставил. Он тоже был умный и лицо заинтересованное, чтоб они подальше отошли от места события. – Если их поймут то и вляпаться можно. Тем более, что его интересовали не только деньги, но и, так званое, революционное настроение масс. В эти массы он не вливался, но... присматривался. Гадал – за чью сторону поднимать гвалт...

Можно ли обвинить сержанта в чём-нибудь? В чём-нибудь – можно! А особенно в том, что он хотел жить и сейчас балансировал на перекладине, качающейся в разные стороны! Идеино не был подкован ни одной, ни другой стороной – скажет кто-то!

Таким образом благодаря безыдейности сержанта, и, в то же время, благодаря его не слишком большому стяжательству, казак Петро, и его поделец по побегу – казак Васька перешли из разряда рекрутов в разряд дезертиров. Нужно добираться теперь на родной Дон. А для этого нужно было поменять казацкие гимнастёрки на цивильный лапсердак. Что они и сделали на небольшом рыночке. Просто поменялись с мужиками одежкой. А так как у казаков одежда была новая, а у торговцев гнилое рваньё, то доплачивать им не пришлось. По железной дороге на перекладных они и добрались до Новочеркасска.

Поэтому мы Петра и встретили в заброшенных винных подвалах полковника Дончака, намеревающегося убить Наташину мать – Ольгу. Слава Богу – не получилось... Не убил, хоть и идейно был настроен...

Глава 2. Спасительная ссылка

От Новочеркасска до Сальска по дороге – 213 километров, а по прямой – 151 километр. Но по прямой только птицы летают. Аглая Петровна не птица, поэтому до Сальска, куда её послали, или отпустили по доброте своей Ольга и полковник Дончак, пока не доехала. Пока она в пути. В пути только один день, но он показался ей вечностью.

Каждый километр удаления от усадьбы полковника Дончака казался дальше чем от Земли до Луны. Казалось – она покидает Землю, и самое родное место, где она прожила почти 30 лет, гоняясь за призрачным счастьем. Она хотела отобрать его у других. Но так и не отобрала! Чего-то не хватило. Самую маленькую частичку – то ли уменья, то ли везения. Так думалось ей.

Больше всего сейчас её душу терзало то, чему, как кажется, она должна была радоваться. Она избежала ареста и справедливого наказания – отправки на каторгу. Благодаря кому? – Благодаря человеку, которого она собственными руками с радостью обрекала на смерть. Благодаря Ольге... её вчерашней жертве и придуманной сопернице. Аглая Петровна толкнула её в подвал на верную погибель... а этот человек, эта самая Ольга, эта зараза спасла буквально через день её от ареста! И Аглая Петровна увидела разницу. Огромную разницу между собой и Ольгой. Такая разница сейчас ей не давала дышать и она схватилась за горло. Аглая Петровна увидела себя в строю человеческой градации – человеческого достоинства и подлости! Свое место она прочувствовала на самом дне! – Жёсткое, зловонное, мерзкое! Сознать такое невыносимо. Лучше бы она его не видела или не осознала!

Но если это так – то будет так! Никуда не деться! – Тогда и мыслить она должна соответственно своей натуре. Если она является на самом деле тем монстром, которого в себе увидела сейчас, то и её дальнейшие действия должны быть самыми изощрёнными, по демонски передовыми, с соответствующим знаком. Всё должно быть по первому классу. Хватит тянуться в обозе! Она себя ещё покажет! На такой волне Аглая Петровна успокоилась и начала сочинять первый акт своей ещё не написанной, а соответственно и не сыгранной пьесы. Дальше она в полузакрытой карете ехала с закрытыми глазами и в её воображении всплывали картины из собственной жизни, такой однообразной и такой скучной.

«То пусть будет фундамент» – думала она... Однако она ехала в Сальск... мало обжитый до настоящего времени. А тем более не в город, а в Сальские степи и пока не понятно где она будет жить. Может в шалаше каком, или в кошаре для овец, где кроватью является просто охапка соломы... И Аглая Петровна глубоко вздохнула, а планы по новому покорять мир тут же рухнули.

– Останови возле кустов – попросила она рядом сидящего на жёсткой скамейке дорожной кареты будущего сальского старшего конюха, и её жениха.

– Ты что не видишь, что впереди ни кустика. Иди за карету – никто тебя не украдёт. Привыкай.

– Кошмар! – сказала в сердцах Аглая Петровна, сошла и, всё таки, нашла слева от дороги полянку высокой полыни, в ней и спряталась, прежде прогнав две перепёлки. Это её позабавило и в экипаж она уже возвращалась с улыбкой. Иван, так звали будущего старшего конюха, подал ей руку, но она отказалась и очень легко впорхнула в карету.

– Ты меня того... не стыдись... теперь ты моя баба. Если что... то это... Всякий раз... когда... ну сама понимаешь... Ему как-то непривычно было своё и её новое положение. – Оно уравнилось. Аглаю Петровну такое положение злило и ей захотелось кого – то укусить.

– Иван, а чего от тебя кобылей мочой прёт? Ты что не моешься. Сейчас погода такая, что и в речке можно искупаться. Там куда мы едем есть речка?

– Может и прёт... я ж это... того... не чувствую. Да он и родной-то запах. Лошадиный. А мы же это вот...

– Я понимаю... работаете с лошадьми.

– Да, с родимыми... и он осмелел перед красивой женщиной и выпалил уже не заикаясь. – Ничего, принохаешься. Буду как одеколоном пахнуть. – А потом к кучеру – вон там как в тумане селение на горизонте. Там и остановишься возле первого куреня.

По нормальному умозаключению Аглая своего попутчика вроде обидела, на счёт мочи. Но для него такая обида как укусы комара. Да и не обида она. Он понимал, что каждая профессия имеет свои запахи. Пекарь пахнет только что испечёнными булочками. А косарь только что скошенными травами. Даже полковник Дончак, сойдя с лошади, какое-то время пахнет лошадиным потом. А ему и Бог велел. И он спросил —

– А чем ты пахнешь? – Я принохивался к тебе еще в поместье полковника. И мне показалось, что ты ничем не пахнешь. Поэтому и не приставал к тебе... как другие... Как то не того было... Но... посмотрим. Хоть ты сейчас и моя баба. Но нужно ж чем-то пахнуть... для приманки.

– Я не приманиваю... пока...

– А когда начнёшь?

Аглая Петровна ничего не ответила, но подумала «А может и правда я ничем не пахну, поэтому и не заманила полковника себе в постель. Дура чертова!»

Изба, возле которой остановилась карета с Иваном и Аглаей, (будем какое-то время её так называть), была приземистая с маленькими окошками, очень обшарпанная, но обширная. Видно она строилась таким образом, чтоб под одной крышей было жилое помещение и сарай одновременно. Однако на просторном дворе, где ходили куры и лежало две овцы, уставившихся крупными глазами на подъехавшую карету, было ещё одно приземистое строение без окон – явно сарай.

Как только карета остановилась – на плетённом заборе повис мужик с двухнедельной щетиной, не определённого возраста. Можно было дать по виду и сорок и шестьдесят – худой и казалось замученный. Он заговорил первый.

– Если лошадей напоить то со своим ведром и по одному ведру на лошадь. – Вода медленно прибывает.

– Лошадей само собой, но нам бы и переночевать – сказал Иван.

– Что так? – Солнце ещё только над тополями. – И он показал на Солнце. Оно на самом деле ещё не задело верхушек, стоявших вдали тополей.

– Подустали мы. Передохнуть хочется.

– Оно то можно, но не в палати. – Баба хворает. А вот на сене под навесом и ночуйте... но на своих харчах... лошадиных тоже. Мало сена в этом году... а переспать – ладно. По двадцать копеек с человека и двадцать пять с лошади – итого один рубчик, десять копеек. Округлённо за рубль.

– Харч у нас свой... да и овёс для лошадей есть. А рублик мы тебе заплатим.

– Но так чтоб баба не видела. – Потом спохватившись спросил – А не из разбойников вы часом? По этому тракту много шляется. Он же столбовой уже. Это раньше вежи ставили, а их метели сдували. Не одна сотня замёрзла здесь. Ещё и косточки кое где валяются.

– Не трусь. Разбойники с бабами не ездят. Вот и жена моя. – В это время Аглая вылезала из кареты. На слове «жена» – её покорило.

– Пока вы тут тары-бары, я пройду за сарай. – Сказала Аглая и удалилась.

– Осади лошадей я открою ворота – предложил хозяин и стал развязывать и разматывать верёвку – своеобразный скреп для ворот. Потом пояснил – не завяжи – овцы убегают. А баба твоя пусть и в хате заночует, может что моей посоветует.

– То оно ладно... повечеряем – а там будет видно. А что твоей бабе советовать? Сам ты что – не советчик? – Хозяин махнул рукой и ответил —

– Беда с этими бабами... пойдя разберись ... – и открыл со скрипом и с очертыванием тяжёлые ворота. – Вот если бы ворота на колёсиках были... но где найти такие колёсики?..

– Да сам бы и сделал из любого ствола дерева...

– Думал... но там же и ось нужна и чертовщина, что на ось упрётся... Это сказать легко. – И он вновь махнул рукой.

Из избы выбежали ребятишки. Их было четверо, примерно от десяти, до шести лет. Они вылетели со смехом, но увидев чужих замолчали и прижались к избе. Самый маленький ребёнок – явно была девочкой, потому, что одежка отдалённо напоминала юбку. Глазёнки их с интересом и с опаской наблюдали за приезжими. В это время молодой возница прилаживал распряжённых коней к бричке и насыпал им овса в хептуг – лошадиную торбу, прикрепленную к морде лошади. Одновременно спросил сотника Ивана. Будущий старший конюх – имел казачье звание – сотника.

– Чем вы предпочитаете повечерять – свиным окороком, или копчёнными колбасами? – Что доставать из ларя? Хозяин двора услышал про окорок и колбасы, сразу поменял своё мнение и сказал —

– Вы можете и в хате повечерять. Баба картошки наварит. – Сотник Иван хотел ответить, но инициативу перехватила Аглая —

– Пусть ваша жена картошку варит, а повечеряем мы вместе с вами и вашими детишками на открытом воздухе. Вынесите только рядно, чтоб простелить под харчами.

Минут через сорок в объемистом чугушке дымилась ароматная картошка. Дети возле огорода нарвали лопухов, ополоснули их в корыте с давно застоявшейся водой, отчего они стали ещё грязней чем были, но... промытые. Хозяйка, очень тучная женщина, тяжело дыша, раскладывала на них как на тарелках картошку. Кучер, молодой казак, вынул копчённый окорок замотанный мешком и огромную макитру с колбасой залитой смальцем. Большим ножом он на разделочной доске, захваченной в поход, расправлялся с окороком и колбасой. Первым делом положил по большому куску детям и подмигнул им улыбающимся глазом. Они почувствовали контакт и стали жадно уплетать, не дожидаясь хлеба. Видимо колбаса в этом доме водилась редко.

– Тащи вино – сказал Иван кучеру.

После первого насыщения желудков начались тары-бары. Разговор завёл хозяин —

– Вот это... вы ж видите что наши курени находятся на трассе. А трасса то главная – ведёт на Кавказ. Много кровушки он забрал... Кавказ-то... у нашего брата казака. Вот генерал Платов в каком-то году так и сказал Царю-Батюшке нашему, что нужно вдоль дороги форт-посты устроить... так они и назывались форт-посты. Слышал, что наш был первый ... – В разговор вмешалась его жена

– Не наш! Сказывал дедуня когда я была маленькая, что Сальск был первым – возразила она.

– Цыць! – А то как врежу! – И он замахнулся на жену кулаком. – Она и не шелохнулась! Видно такая не исполненная угроза была не первой. И было смешно – как такой утленький мужичишка может ударить по сравнению с ним гору сала, костей и мяса.

– Не даст казаку слово сказать, зараза! – Я уже и забыл про что хотел.

– Про форт пост! – напомнил ему самый рослый, явно старший отпрыск.

– Да, про форт пост ... – и он обратился к молодому казаку что нарезал колбасу – там что-то осталось в четверти? – Налей мне если есть, а то совсем с панталыку сбила. – Гриша, так звали молодого казака, сказал —

– Ещё есть маленько – и налил ему в глиняную кружку. Тот выпил и закрыл глаза. Жена его, не обращая внимания на мужиков и детей обратилась к Аглае —

– Отож, мой старый чёрт, так и будет спать сидя. – Родила я четверых, а опосля у него как отрезало! – Аглая поморщилась, а хозяйка продолжала – ну хотя бы что! Вот я и расползлась... Так бы ещё хотя бы двоих родить для профилактики бабского тела, а то ж никак! Поэтому у меня так и прёт всё из сарафана! Так и прёт!

Аглая, чтоб поменять тему спросила —

– Зажиточно ли живут казаки в станице? Вот у вас вижу овцы есть, курочки по двору ходят, коровки только не вижу.

– И коровка у нас есть, только она яловая, молоко пока не даёт, поэтому не каждый день её забираем из пастбища. А могли бы жить и зажиточней. Земли вокруг немеряно – сажай и собирай урожай. Но казак, как мой – он что? – Знай шашкой машет по траве высокой! Те что сами приехали на новые земли – работают. Винтовка у него за плечами, а он сено косит, или клин новый распахивает, чтоб если набег – тут же и бабахнуть. А которых прислали по принуждению – голодранцами ходят. Оно и верно. Кто ж хороших да работающих казаков отпустит. – У себя пригодятся.

– А твой то как – спросила Аглая. – Хозяйка махнула рукой и сказала —

– А! – Не хочу говорить даже. Бывает что и ничего. – В разговор вмешался самый взрослый мальчик, ему хотелось оправдать и поддержать отца —

– На прошлой недели батяня в пруду карасей наловил, так мамка жарила. —

– Какие там караси! – Рыбёшка в ладошке поместится. —

Послышалось за забором ржание лошади, а вслед за ржанием в чуть открытые ворота втиснулся и въехал верховой на серой кобыле – десятник Донского Казачьего Войска с карабином наперевес и с заливчатски одетой папахой набекрень. —

– Откуда путь держите и кто такие? – Строго спросил он.

– Свои мы – ответил сотник и поднялся – тебе подорожную? – спросил он. Кагальницкий десятник увидел, что перед ним сотник родного войска, немного сконфузился и сказал.

– Нет, нет – не надо... а вот если есть чарка самогонки, то налейте. – Кучер налил ему глиняную кружку и подал. Тот выпил залпом, крикнул, вытерся рукавом и сказал —

– Ну бывайте ... – Через минуту эхо от копыт его лошади растворилось в предвечерней дымке. Хозяйка обратилась к детям. —

– А вы уже идите спать, не торчите здесь! Кыш! – Вон Солнце зашло. Дайте взрослым поговорить. – Дети встали и направились к избе.

– Давно вы здесь живёте? – Спросила Аглая

– Я то со дня рождения, только вот точно не помню сколько мне лет – то ли тридцать девять, то ли сорок два. Запись не сохранилась. Рассказывал покойный дед, что наш род берёт начало от Трофима Короля. То ли от него самого, то ли от его украинского рода, что поселились здесь в камышах, где располагалось турецкое поселение «Когаль» А было это в середине восемнадцатого века. Поселенцы занимались рыбным промыслом, потом построили церковь. А где церковь – там и Бог помогает.

Сейчас рядом проходит и железная дорога. Раньше по ней ездили воевать с кавказцами, а сейчас наоборот – с западными басурманами.

– Как то зовут тебя?

– Текля! – Видно в роду кавказцы были. Но считаемся мы украинцами. Вот так и живём. Мужик мой, то ли ничего уже не может, то ли не хочет... казак ведь он. Старший сын Володька ещё не вырос а почти всё хозяйство на нём и держится... Смотри мужики все уснули, а тот молодой обнял карабин как молодуху... О! – здесь ещё не всё выпито. Давай мы с тобой по рюмашечке, а потом и пооткровенничаем. Это ж твой мужик, я полагаю ... – и Текля показала пальцем на сотника.

– Вроде должен быть мой... но когда я подумаю, что мне придётся с ним – мурашки по коже ползают...

– Что так?

– Другого я хотела, и наверно влюблена была в него, а может так казалось, но девичью честь для него берегла.

Ой-ой-ой! Бедняжка... И как же рассталась с честью то?

– Да не рассталась я... до сих пор она со мной... и душу скребёт мне...

– Ай-ай-ай! Погибшая душа... И кто ж он такой, этот негодник, что отказался от твоей чести?

– По секрету тебе скажу, но ни-ни! Никому! – И она понизила голос и прошептала на ухо Текли – «Полковник Дончак»!

У Текли от неожиданности глаза вылезли из орбит! И она как замерла... Потом, когда пришла в себя спросила —

– Это тот, что недалеко от нашего посёлка у реки его огромный крааль с овчинным производством и виноградники с винокурней? – Аглая гордо ответила —

– Да!

Долго Текля молчала. Потом сказала —

– Кажется мне, подруга, что ты со своей девичьей честью не расстанешься никогда...

Будешь сегодня спать на сеновале, или пойдёшь со мной в светлицу?

– На сеновале...

– Оно и верно...

Глава 3. Страх объединяет...

С каждым жизненным явлением происходят метаморфозы. Но если все они одного глобального проявления, то заключаются в трёх сакральных словах: Рождение, Жизнь и Смерть. – И никуда не деться! Что было до рождения мы не знаем, что будет после смерти мы тоже не знаем, хотя есть много ходульных версий. А вот что происходит между рождением и смертью, при желании можем проследить. И все книги, что написаны, пишутся и будут писаться преимущественно о одном периоде. Он называется: Его Величество – Жизнь!

Населённый пункт, куда сейчас с серьёзными лицами направляется наша тройка родился вместе с Русско-Французской войной, где-то в 1812 году и назывался Юдичев. Это был очень крохотный посёлок и очень странно, что несмотря на совместное возникновение с войной 1812 года он ничего общего с ней не имеет. Какое то сакральное и странное совпадение! ... А там кто его знает... Пути Господние неисповедимы!

В этих безводных и безбрежных степях селились крестьяне, бежавшие от помещиков из многих российских губерний и устраивали свои хутора. В одном из таких мест, свободные хуторяне в 1850 годах возвели церковь и село стало называться Воронцово-Николаевское. Почему так – знает история. Через небольшой промежуток времени в связи с Кавказскими военными событиями, так говорят, начали строить железную дорогу и железнодорожный посёлок примыкавший к Воронцово-Николаевске с железнодорожной станцией, и стал называться Торговый. Там, недалеко от посёлка и находились земельные владения полковника Дончака. Туда и ехала наша тройка.

Но сейчас тройка после первого ночлега перестроилась и ехала в другом порядке. Места видно на этой земле такие – думал каждый... странные, какие-то другие, заколдованные. Сотник Иван сидел на козлах, вместо кучера, с завязанным не очень чистой тряпкой половинным лицом, только глаза торчали на выкате. А кучер наоборот – в карете рядом с Аглаей. Ехали и молчали. У Аглаи и сотника в душе всё кипело, а молодой казак с интересом наблюдал и думал: «Не дай Бог мне такое, а этим пусть!».

А случилось вот что. – Как только на сеновале все хорошо пристроили бока свои, и приноровились к своеобразному лежбищу, чтоб сладко уснуть. Как только Месяц зашёл за малиновую пробегающую тучку и не стал пялить глазища на грешную Землю. А конкретно на тот двор, где нашли своё пристанище наши путешественники. В это время сотник Иван, уснувший чуть раньше других, проснулся, продрал глаза и вдруг вспомнил, для чего полковник Дончак принарядил к нему Аглаю. Да ещё и сказал: «Вернётесь с детишками!»! А может сотник ещё и не засыпал, а ожидал, чтоб уснули другие. Но кто в этом признается!?

Сам факт состоит в том, что он решил наказ полковника исполнить немедленно, без всякой проволоочки, как по приказу к конной атаке. Аглая похрапывала почти рядом, примерно за метр, полтора от него. Сотник Иван придвинулся и запустил руку к Аглае туда, куда, без малейшего согласия женщины, соваться не следует. Перепуганная Аглая вскрикнула, вскочила и вlepила ему пощёчину так, что чуть сотницкий глаз не выскочил наружу. А когда до неё дошли настоящие сотницкие намерения, то уже стоя ударила ногой лежащего... в солнечное сплетение.

Иван застонал. Но тут же вспомнил, что он казак, да ещё имеет, хоть не высокое, но офицерское звание! Плюс, до сего случая, ни одна скотина женского рода не поступала с ним таким несправедливым образом! – И это вместо благодарности за его человеческое намерение! Он со всей мочи схватил её за ногу, повалил, хотел навалиться. Упали оба. Рядом с губами Аглаи оказался сотницкий нос. Она захватила его зубами, стиснула скулы, почувствовала привкус крови и закричала благим матом. Закричал и сотник. Проснулись все!

У хозяйки, что представлялась гостям немощной и несчастной женщиной, вдруг появилась сила и сработала женская солидарность. Она всем своим увесистым телом навалилась на сотника, схватила за руки, оттащила и как пёрышко вышвырнула из сеновала. Сон её мужа как корова языком слизала. Он про себя ехидно улыбнулся и подумал: «Казачка ведь!» потом спросил —

– А не остался ли там в четверти самогон для смягчения создавшихся обстоятельств? Молодой казак ответил —

– Нет не осталось, всю вылили объездному.

– Ладно, я сейчас принесу – сказал хозяин – встал и пошёл в избу. Минут через пять он принёс бутылку самогона. Сотник держался за нос. Остальные просто смотрели друг на друга, со сна решая, как быть дальше и что это было вообще.

Хозяйка сняла с себя короткий передник, намочила его в самогоне и сказала: «Пожертвую». Потом промыла самогонкой сотнику нос обмотала пол головы и добавила: «Через неделю будет как новенький. А теперь давайте пропустим по чарочке для завершения сделки перемирия и продолжим спать. Утро вечера мудрей».

Утром взрослых разбудили дети. На улицу вышла девочка в застиранной майке на одном плечике, вся зарёванная и через всхлипывание пожаловалась матери, что старший брат заставляет её рвать возле забора траву и кормить ими овец. А она еще хочет спать и трава очень жёсткая, кусается за руки.

– Ладно – сказала мать – спи вот здесь на моём месте, а я пойду варить картошку на завтрак. Девочка легла и тут же уснула. Но зато сама разбудила всех.

Ночь и сон казалось стёрли все вчерашние неприятности. Все чувствовали себя как в своей тарелке. А что до ночного переполоха, то в каждой семье случается всякое. Только сейчас всех немного мутило от вчерашней самогонки и слегка болела голова. Эту небольшую неприятность напрочь сгладила рюмка другого самогона и горячая картошка с зелёным луком.

Ни Иван с перевязанным носом, ни Аглая, что своим верещанием разбудила ночью всех, не чувствовали себя виноватыми. Они даже представляли себя эдакими героями, внёсшими достойное разнообразие в течение такой постной повседневной жизни. А потом – мало ли казаки гоняли своих жён в минуты душевного расстройств? Бывало и наоборот! Но всегда приговаривали: «Стерпится-слюбится!».

Сидя на облучке с вожжами в руках Иван думал: «Вот зарастёт нос и ты у меня попляшешь, сука нетронутая – не таких обламывал... и все были как шёлковые! – Подумаешь краля нашлась!»

Аглая думала тоже о ночном переполохе. Оно было противно, но немного интересно. Первый раз она допустила так, чтоб кто-то посягнул на её неприкосновенность. Вспоминала рассказы замужних женщин. И что у некоторых семейств тоже были такие баталии, где только чудом оставались в живых. И как бы ничего – жизнь продолжалась. Но как только её мысли доходили до момента лично женской собственной свободы – её бросало в дрожь и тело покрывалось гусиной кожей. Казалось такого испытания она не выдержит, и до такого она не опустится. Хотя недавно, когда она себя представляла вместе с полковником Дончаком – то чувствовала благоговение, и что то божественное вливалось в её душу и тело. Но... по другому не будет!

И вот здесь на этом историческом отрезке пути между Кагальником и Торговым, в это утренне время такого-то числа, такого-то года она себе сказала: «Если не Дончак – то никто!». После таких тяжёлых мыслей облегчённо вздохнула и даже на её лице появилось что-то подобное улыбке.

В Торговое приехали быстро. Какие-то шестьдесят километров до станции и ещё десять до угодий полковника Дончака.

Напрасно Аглая печалилась, что придётся спать на охапке соломы вместе с овцами. Здесь в, так называемом, административном центре был приличный, даже очень, хозяйский дом, где жил управляющий и его прислуга, и рядом другие строения разных назначений. Маленький компактный городок. В пролётах коротких, но чистых улиц, как вплетены стояли несколько карет без упряжи, а у главного дома возле коновязи крутили головами, отгоняя надоедливых осенних мух, оседланные лошади. Значит кто-то сюда приезжал и отсюда отъезжал. – Жизнь шла своим чередом.

Карету с Аглаей и сотником встретил приказчик, велел подождать пол часа, а потом подняться на второй этаж к управляющему. Все эти полчаса приказчик рассказывал им страшные истории, какие происходили вот здесь на этом месте. Самая страшная заключалась в том, как жену управляющего ночью у крааля разорвали волки. Когда женщину отбили, то узнали что это его жена только по обрывкам нижнего белья, которые волки не успели проглотить вместе с мясом. Управляющий ещё долго сомневался, но жена не появилась и на следующий день, и через неделю – поэтому и заключили, что это была именно она. Её быстренько в тайном месте закопали, чтоб добрые люди не видели на что способные разъярённые волки.

– И что управляющий теперь один остался... бедняжка? – Спросила Аглая.

– Нет, не один. Ровно через месяц – день у день, Семён Семёнович, так зовут нашего управляющего, – когда отправлял очередную партию овец в Ростовскую скотобойню, встретил на вокзале девушку, почти ребёнка из Пятигорска, а может даже из Кисловодска и спросил её: «Куда ты, детёныш, едешь?», а она отвечает на плохом русском: «Еду счастье искать». Он возьми и скажи ей: «Считай, что ты его уже нашла! Поехали со мной будешь женой мне верной». Она опять отвечает: «Ну, если ты так считаешь, что я нашла своё счастье, то поехали. Только потом нужно будет забрать мою старенькую бабушку из разваленной сакли. Она умеет лечить травами и отговаривать несчастья». Управляющий ей ответил: «Хорошо, заберём твою бабушку через неделю»

Бабушку почти никто не видел, за то волки в посёлке исчезли, как морская волна их смысла. А её внучка, теперь жена управляющего, ходит сюда – туда. Там такие глазища... и сама красавица. Со всеми здороваётся и улыбается.

Через окно приказчику дали сигнал, чтоб приехавшие заходили для ознакомления.

Комната, по другому нельзя было назвать, где гостей принял управляющий была большая, светлая с высокими потолками и это вся характеристика. Посреди комнаты стоял большой стол и одно кресло. На нём сидел сам управляющий. Других посадочных мест не было. Это значило, что всяк, входящий сюда должен был с ним, сидящим, общаться стоя. Такам образом управляющий давал понять входящему кто он такой, попавший на глаза его.

Приказчик открыл дверь, через дверь низко поклонился сидящему за столом управляющему, и, так, будучи наклонённым, жестом руки показал приехавшим, чтоб заходили. Все трое зашли и стали возле двери, чуть оробевшие. Управляющий широко улыбнулся, встал из-за стола и огромный медвежьей походкой направился навстречу входящим. Первым он подошёл к Аглае и обнял её, чуть придавив к полу —

– Ну, здравствуй, Аглаюшка. Как я ждал тебя, как тебя в хозяйстве не хватало. Остаешься здесь в доме. – Потом он также обнял будущего старшего конюха. Похлопал его по плечу – (Другие так и палкой не бьют) и сказал. —

– По тебе Иван наши лошадки, ай – как соскучились. Не жалея сена им, родимым. Конюшня здесь рядом... через две версты. – Потом он подошёл к молодому казаку. Тоже обнял его и сказал —

– А ты Гриша будешь при мне, самым моим личным связным. А сейчас мы все вместе посетим мой зверинец, чтоб вы ознакомились с правилами управления и чувствовали себя вольно и хорошо. —

И он самолично повёл их коридорами, спустились по лестнице, переходящей в другие коридоры, и на первом этаже зашли в пустую комнату со странным запахом. Посреди возвышался примерно на метр круглый барьер диаметром примерно в два метра. Здесь управляющий представился. Сказал, что его зовут Семён Семёновичем и так к нему и нужно обращаться, без каких-то там – «Господин».

– Я простой человек. А сейчас мы посмотрим как будут кормить моих любимых зверей. Подходите, становитесь вокруг, смотрите. – Все подошли посмотрели вниз. В полу зияла двухметровая яма. Зажегся в ней свет и все увидели на дне ямы два огромных серых зверя. Это были волки. Они подняли головы и немного обнажили свои клыки. В комнату угрюмый мужик занёс связанную не очень большую овцу и отдал её Семён Семёновичу, сам тут же вышел. Овца начала жалобно блеять. Семён Семёныч подержал её секунд сорок над ямой и бросил, приговаривая: «Иди родимая!». На лице его появилась мефистофельская улыбка. А в яме происходило что-то ужасное. Овца издала отчаянное предсмертное блеяние, а волки с остервенением рвали её живую плоть. Гости отвернулись. Семён Семёнович строго скомандовал: «Смотреть! Это приказ! Вы все сейчас в моём распоряжении! – Потом спокойно добавил. Здесь нужно проходить осторожно. Потому, что мой бывший старший конюх месяц тому назад случайно споткнулся и упал в эту яму. И представляете – даже одёжки его не оставили чтоб передать родным. —

Все были подавленные увиденным.

– А теперь, когда мы познакомились с общими правилами отдельного хозяйства, я вас всех приглашаю в столовую пообедать. Я пообедаю с вами. Потом все займётесь своими делами.

Глухая стена столовой освещённая окнами была расписана несуществующим лесом с деревьями, где вместо цветов и плодов были нарисованы руки держащие птиц, или маленьких зверьков. Но так держащие, что маленькие существа как-бы прощались с жизнью – изображены или страдающими с открытой пастью, или с высунутыми языками и закрытыми глазами. А стволы деревьев изображались свирепыми сверх-существами. Но столы и стулья вокруг них, а также шторы на окнах претендовали на роскошь.

Во время трапезы, а она, нужно быть справедливым была очень сытная, казак Гриша спросил – Скажите, а полковник Дончак давно посещал свои надель, вами управляемые. – Управляющий улыбнулся и ответил. —

– А что ему здесь делать. Он получает полный отчёт и все положенные ему деньги согласно письменного соглашения. При моём управлении он здесь не был ни разу. – А мои методы – это мои методы. – Казак не унимался и сказал.

– Ну может быть, если бы он узнал подробно ваши методы, то возможно в качестве поощрения больше бы платил, и сам бы перенял ваш стиль руководства.

– Ты, я вижу очень умный казак, Я твой ум возьму на заметку, и при случае воспользуюсь им. – Ответил управляющий и так улыбнулся, что после его улыбки, во всех спёрло дыхание. Гриша улыбнулся тоже и ответил.

– Буду рад служить вам верой и правдой, как и предписано нам нашим Царём-Батюшкой.

– Царь-Батюшка далеко, – отпарировал управляющий – а у нас губернские законы.

– И по губернским законам тоже – склонив голову, ответил Гриша. Но управляющий, почувствовав в нём железную волю, потрепал дружески по его спине и подумал: «С жёстким стержнем казак – нужно этот стержень сломать, и заменить на гибкий. И будет он у меня как шёлковый, но особо нужный».

После обеда Семён Семёнович сказал. —

– Вот вам два часа вольных. Прощайтесь друг с другом и каждый приступайте к своим обязанностям. Потом ты, Иван, зайдёшь в медпункт, тебе полечат твой нос. Медсестра там

красавица! – Произнося это он с интересом посмотрел на Аглаю. Сам удалился, прежде потрепав ладонь об ладонь. Этот жест означал: «Дело сделано»

Когда управляющий возле крыльца столовой оставил их одних – во всех недавние антипатии друг к другу как-то исчезли сами собой и они почувствовали, что их что-то объединило, и что на этой земле они как родные, и никого больше на белом свете нет, чтоб помочь в нужное время в любой беде. Они остались стоять как пригвождённые к земле. Молчание нарушил Гриша. Сейчас почувствовалось, что он обладает неплохим природным умом, и может употребить его при крайнем необходимости. Он разрушил этот своеобразный ступор и сказал —

– Мы друзья. Мы должны держаться единым кулаком, и помочь друг-другу при надобности. А чтоб быть единым – должны сейчас простить друг-другу все существующие обиды если у кого они есть. —

При этом у Аглаи и Ивана как груз с плеч свалился. Иван подошёл и обнял Аглаю. Она не возразила.

К ним подошли два мужика и одна женщина и сказали: «Сейчас мы каждому покажем где он будет отдыхать, и какой ожидает круг его обязанностей».

Площадка, где ни стояли оказалась пустой, молчаливой с гнетущим состоянием окружающей атмосферы. Что будет дальше – увидим...

Глава 4 Исподволь лихорадит

Ольга встала, протёрла глаза, зашла за ширму, сняла с себя французский пеньюар, купленный и подаренный ей дочерью в Арли и одела обыкновенный русский халат. На вскидку не хуже французского пеньюара, а то и лучше... на её русский взгляд. Полковник давно встал, одет он был в штатском и уже просматривал газетные сводки, что поступали из западных фронтов.

«Если так пойдут дела – сказал он ни к кому не обращаясь – то придется... нет! Бежать из России я никуда не буду! Здесь и положу свою буйную головушку.»

– Володя, что так мрачно?! – Неужели Николай ничего не придумает. Неужели Россия-Матушка так и погрузится в смуту?

– Думать нужно было раньше... так примерно лет на пять. Мои дети и твои внуки в безопасности... а мы... В прочем – посмотрим как будут идти дела, а то я, пока есть возможность, могу тебя вновь отправить во Францию к своей дочери... по твоему желанию... конечно.

– А ты не подумал о том, что у тебя кроме сыночек может родиться и дочь. – Полковник отложил газеты, посмотрел длинным испытывающим взглядом и произнёс —

– Ты серьёзно?

– Серьёзней и быть не может. Уже больше трёх с половиной месяцев. Я думала задержка по возрасту... ан нет! И избавляться я не собираюсь, потому что это будет долгожданный плод любви. И во вторых – мой последний шанс.

– Да господи! Никто тебе не предлагает избавиться и для меня такое избавление самое жесткое табу! Я не разрешу избавиться! Только вот... если не сегодня, так завтра тебе придётся покинуть кипящую Бог знает чем Россию и уехать во Францию.

– Нет, мой ребёнок будет принадлежать Русским просторам! Я тоже люблю Россию.

– Русским просторам, но не в качестве трупа... тем более это и мой ребёнок... не забывай об этом. —

Полковник встал, подошёл к Ольге, поцеловал её волосы, и спросил будет ли она готова с ним позавтракать.

– Мне через час с четвертью нужно быть в полку. —

Сказал он и стал в позу ожидания.

– Иди распорядись. Я через пятнадцать минут буду в столовой. – Полковник вышел.

Вместо Аглаи в столовой обслуживала новенькая. Отец её ушёл на Западный фронт. Мать её пришла в полк за помощью. Дончак помощь выдал на несовершеннолетних детей, двух близнецов – двенадцатилетних мальчиков, а старшую забрал на определённую зарплату к себе в поместье для небольших услуг, теперь уже его жене – Ольге. Звали девушку Марина. Девушка находилась у них почти три месяца, но до сих пор не привыкла и стояла не далеко от обеденного стола краснея и бледнея в ожидании распоряжений. Ольга зашла и сказала —

– Иди милая, теперь мы уже разберёмся сами – и погладила её по спине. – У девушки отлегло от сердца и она осмелев возразила —

– Я буду рядом... вдруг понадобится.

– Нет, до обеда не понадобится. – Сказала Ольга. – Но не уходи далеко. В обед полковника не будет и мы с тобой пообедаем вместе... посекретничаем. Иди ... – Девушка ушла. Полковник уже был при эполетах. Он улыбнулся и сказал —

– Может ты поделишься и со мной своими секретами.

– Ни в коем случае – ответила Ольга и подала полковнику вермишелевый суп с курицей.

Через двадцать минут с завтраком было покончено. Полковник поцеловал жену и быстро ушёл. В полку его ждали неотложные дела. А Ольга осталась сидеть в столовой глубоко задумавшись. Минут через пятнадцать зашла Марина и сказала —

– Извините, что помешала, я уберу посуду.

– Мы с тобой уберём вместе – возразила Ольга.

Как Ольга и обещала, они с Мариной обедали вместе. Повар принёс кастрюли с горячей ароматной пищей и поставил на отдельном приставном столе. Каретник, в своём рабочем фартуке заглянул в столовую. Ольга заметила его и рукой пригласила зайти. Потом сказала. —

– Франц Францевич, снимайте фартук и садитесь рядом будем обедать.

– Да я как бы уже перекусил... и как-то неловко...

– Что там неловко... садитесь, расскажете чтонибудь о жизни. – Каретник сел. Марина встала, чтоб разлить донской борщ по тарелкам.

– Сиди! – усадила её Ольга. – Сегодня обслужу вас я. Подаю первое, а второе вы наберёте себе сами без стеснения, по своему усмотрению. А потом и поговорим немножко. Расскажите кто что знает... только не выдавайте свои секреты.

– Ни в коем случае – сказал каретник. – Я придумал особый каретный лак и я передам секрет только своему сыну. Вот так. Все улыбнулись.

Как и после завтрака Ольга вместе с Мариной убрала стол и помыла посуду. Девушка была в недоумении. Её сверстники из её круга рассказывали такие, казалось, небылицы о полковнике Дончаке и его семействе, что бедную девушку бросало в дрожь при встрече с полковником и Ольгой. А оказалось совсем не так, оказалось – они обыкновенные люди. – Такое наблюдение нагоняло ещё больше страху. – Неизвестность пугает больше, чем свершившаяся реальность. – Она ждала чего-то невообразимого и ей хотелось, чтоб скорее это невообразимое случилось. Пройти бы его и оно осталось бы позади. Протиснуться через неминуемое, неудобное и страшное горлышко и потом задыхаться спокойно. Она боялась его – придуманного горлышка и жила как на иголках. Тем более в последние недели две она казалась уже не только для себя, но и для других как не в своей тарелке. Ольга это видела и хотела выяснить. Пока тщетно...

А дело было вот в чём. На Дону, говорят люди, путём смешения крови, (А какой только крови в бассейне реки Дон за прошлые века не было!), девушки рождались красавицами и созревали очень рано! Марина – в том числе.

Уже с четырнадцати лет на неё засматривались не только сверстники, но и взрослые мужчины. И как засматривались! Сейчас, на её беду, она приглянулась знакомому нам Петру Войцеховскому, бывшему казаку, рекрутированному полковником Дончаком на западный фронт, но сбежавшему. Мы о нём упоминали в первой главе настоящей книги. Можно было предположить, что он запал на неё как молодой мужчина на юную красавицу... Ан, нет! Она полюбила его потому, что была приближена к полковнику Дончаку в его доме. В плотном прикосновении с его семейством.

Ни до кого из домашних полковника Дончака он приблизится не мог. Все, как на подбор! Как на зло – противники революционному движению, и верны полковнику. Полковник как-то умел отбирать. Сомневающиеся в последнее время уходили на западный фронт служить матушке России. Марина была новая, ещё душой не преданная этому «узурпатору!.. Не успел он за такое короткое время обработать её под себя» – думал Петро. И был отчасти прав!

Петро на много старше и опытней Марины, прошедший по душе не одной молодой девушке, очень легко влюбил в себя неопытную девчонку. Он за короткое время успел убедить её, что его «Любовь – это любовь до гроба!». И если Петро является членом какой-то там новочеркасской революционной ячейки, тем более одним из руководителей её, то Марина – его девушка и будущая жена тоже законно является членом той же революционной ячейки, ведущей к неопишуемому Раю для всех угнетённых! А раз так – то она должна выполнить революционное задание – своеобразный задаток, чтоб вождельный Рай был на много ближе!

Ей, по указанию Петра, требовалось сделать немного. Всего-навсего... подсыпать яд в тарелки полковника и его «бессовестной шлюхи – Ольги», и оставить заранее заготовленное письмо, отпечатанное на печатной машинке следующего содержания:

«Суд новочеркасского революционного комитета в составе председателя комитета и трёх полномочных членов комитета, приговорил – царского приспешника, душителя революционно настроенного рабочего класса, полковника Дончака и его помощницу в антиреволюционном движении, любовницу Ольгу... к смертной казни любым доступным способом... Приговор приведён в исполнение! Так будет со всеми!»

После совершения акта убийства через отравления пищи нужно оставить рядом отпечатанный приговор, как законный акт оправдывающий убийцу, и незаметно исчезнуть из имения. Потом переходить на нелегальное положение и уже общими силами, вместе со своими революционно настроенными друзьями, вести борьбу с ненавистным царизмом.

Когда влюблённая Марина спросила, что потом будет с её мамой и меньшими братьями, Петро ответил, что они под защитой пока ещё действующего российского закона и их не тронут, как не соучастников в деле отравления. Может только вызовут в полицию для дачи показаний и всего...

Марину это чуть успокоило, но познакомься поближе с полковником и его женой, её, как от природы не глупой девушке тревожило сомнение. И пакетик с ядом, который ей дал Петро, и, так называемый приговор, жгли её совесть и душу. А здесь ещё случилось вот что.

Когда мать Марины пришла за очередной помощью к полковнику, он предложил ей перебраться со своими близнецами из ветхой халупы в его имение. Там ей найдётся работа, а сыновья перейдут под покровительство каретника, для изучения каретного дела и других столярных ремесел. Что касается её жилья, то оно перейдёт в распоряжение полка для полковых дел. Полк же его и отремонтирует за счёт небольшой аренды.

Марина это узнала вчера и у неё голова шла кругом. А здесь ещё сегодня вечером во время ужина полковник почти силой усадил её за свой обеденный стол, почти заставил поужинать вместе. Сам, собственноручно, разлил грибной суп и поставил тарелки перед Мариной и Ольгой. Марина кушала вкусный суп, но в данном случае он ей казался очень горьким и обжигающим все её внутренности. Мир сузился до пакетика с ядом, матерью и братьями. Если она ещё могла отравить людей творящих ей добро, то предать мать и братьев она не могла. И её пылающая любовь к Петру утратила свой обжигающий огонь. Марина такой пытки не выдержала. Во время ужина она отодвинула суп, положила голову на стол и зарыдала.

Полковник проявил удивление а Ольга спросила —

– Девочка моя, что с тобой? —

Марина из лифчика вынула пакетик с ядом и, так называемый приговор. – Полковник всё понял и спросил – Кто?

– Петро... фамилию я не знаю. – Ответила сквозь слёзы Марина.

– Перестань плакать – успокаивающе сказал полковник —

ты всё правильно сделала. Но какое-то время со двора тебе выходить не нужно. Твоя мама и твои братья уже здесь. Так что считай – всё в порядке. А сейчас доедай суп. – И полковник, прибрав адский пакетик с «приговором», склонился над тарелкой.

Свой «Приговор» и злосчастный яд на следующий день полковник отдал полиции, пожурив начальника полицейского департамента, за дела творящиеся в Новочеркасске. Ещё добавил, что его бывший казак и бунтарь Петро Войцеховский, похоже сбежал из армии и орудует в районе Новочеркаска – Тот ответил: «Пусть дети немного поиграются... перед ними стена... всех сошлём в Сибирь»!

– Поиграются не они, а доиграетесь вы вместе с нами. Будем локти кусать – сказал в телефонную трубку полковник и занялся своими делами. Потом позвонил Генерал-Губерна-

тору и доложил о таком чрезвычайном случае, к счастью без печальных последствий. – Генерал-Губернатор пол минуты помолчал потом гаркнул —

– Вешать надо! Показательно, при всех! Не пойму почему Николай миндальничает, лишь в ссылку гонит! Они наберутся там опыта, придут и опять – за своё! – Вешать надо!» – и положил трубку. – Похоже, что он отдал приказ, снимая из себя ответственность...

Полковник тоже положил трубку, лишь крутнул головой и печально улыбнулся. Конечно вешать он не собирался, но знал – нужно что-то делать. Нельзя сидеть сложа руки и представлять, что всё идёт своим чередом. Он давно понимал – если у бунтарей есть своя тактика и кто-то руководить такой тактикой, то нужно выработать свою – максимально приближаясь к их методам.

Он подбирал верных ему умных людей, тех, что могли бы хорошо сыграть роль бунтарей, предотвращая бунты. Таких людей – «бунтарей», те же бунтари буду называть провокаторами, или шпионами. Название сугубо отрицательное, но смотря в чей огород бросают камни. Для одних шпион – для других разведчик. Как и все явления в жизни – имеют два противоположно направленные знаки.

Разведчиком, в качестве обыкновенного ямщика, и был направлен умный и грамотный казак Гриша в земли полковника Дончака возле железнодорожной станции «Торговое». Там, где управляющий хвастался, как старшего конюха разорвали волки играющие роль палачей в руководимом им хозяйстве. Гриша изучил всё. Тем более, управляющий приблизил его к себе и... Гриша всё подробно сообщил полковнику письмом. Однако, зная что сейчас как и прежде всё продаётся и покупается, и самые секретные секреты читаются интересующимися людьми, письмо было зашифровано. Что оно было прочитано управляющим, Гриша узнал через день. – Управляющий подошёл к нему, похлопал по спине, похвалил за службу, и если так дальше пойдёт, то пообещал ему прибавку в жаловании. – Значит письмо было прочитано! Значит система на столько катастрофическая, что нужно иметь хороший нюх, чтоб разобраться во всех окружающих, и их настроениях.

Полковник Дончак получил его письмо и всё понял. Подумал – может и прав Генерал-Губернатор, предлагая вешать. И он наметил на ближайшее будущее три неизбежных мероприятия.

Первое – проверить с преданными казаками совместно с полицией свои «катакомбы» – старые винные подвалы и выяснить кто сейчас в них обитает. Может сподобиться быть Гераклом и даже почистить свои «Авгиевы конюшни», жалея только знакомых постоянных жильцов.

Второе – подготовить группу казаков под руководством боевого офицера, любящего Россию. Офицера выбрать из тех десяти, кто после ранения, сейчас находились в его полку а, два из них, в его просторном доме. И отправить их проинспектировать его дальние производства.

И третье то – что хоть и претило его духу, но в настоящее время было необходимо – почистить свой полк. Но свой полк почистить легко. Сложно навести чистку на его фермах и производствах. Сложно, потому что он, как и вся Россия, с «Авгиевой» чисткой хронически запоздали.

А так... на вскидку, поверхностно всё шло как бы и не плохо. Дон готовился встречать коварный 1917 год! Редели еловые посадки. Их безжалостно рубили, чтоб в каждом доме была красиво наряженная лесная красавица. Дон постепенно, но уверенно шагал общей поступью со всей Россией к Новому году. К новым свершениям. К каковым только?!

Недели через две Ольга рассказала полковнику, что было найдено Мариной у порога её комнаты подмётное письмо. Письмо писал, якобы, влюблённый в неё бывший казак, а сейчас, по определению полковника бандит Петро. Оно было следующего содержания: «Марина, если ты не выполнишь своё революционное предназначение, и Дончак со своей проституткой будет жить ещё неделю, то мы тебя с твоей мамой и братьями достанем и в логове полковника. Тогда

вместо полковника будут хоронить тебя вместе с твоими родными». Письмо было написано от руки.

Полковник покрутил письмо и сказал —

– Ладно... разберёмся. Вы не переживайте. Всё под контролем. Выясним.

На следующий день полковник собрал дворовых и трёх ежедневно дежуривших казаков в банкетном зале. Там были как в классе расставлены столы, возле столов стояло по два стула, на столе два листа бумаги, две ручки и чернильница. В коридоре дежурили четыре полицейских.

Зашёл полковник и сказал —

– Друзья мои, грядут новые времена. В наступающем году Россия будет жить по новому. России нужны новые кадры, чтобы строить новую жизнь. Нужно будет учиться, а для этого нужно узнать, определить способности каждого, пригодного к учёбе. Поэтому мы сейчас с вами напишем небольшой диктант, для определения способностей. Он вынул из кармана подмётное письмо, развернул и начал диктовать —

– «Марина, если ты не выполнишь...»

Вдруг поднялся новый конюх и сказал —

– Господин полковник, больше диктовать не нужно. Письмо писал я. Я всё расскажу и расставлю все точки...

Глава 5. Потерявшийся. Или «Пути Господние неисповедимы»

Осень в Кабарде удалась на славу. Поля и огороды были убраны. Лишь чёрные вороны ходили по ним своей гордой походкой, как ходят прославленные модели на всемирных подиумах под завистливые взоры равнодушных зрителей. Вороны считали неубранные остатки полевых и огородных плодов своей законной пищей, дарённых им всемилостивым Аллахом, раз поля эти и огороды он расположил в мусульманской Кабарде, кабардинцам дарованные. И хоть вороны, на взгляд кабардинцев, были безграмотные, как и многие кабардинцы, но видимо они считали, что где-то в Коране, на такой – то странице, а может даже в самой мечети, красивой вязью должно быть прописано первым долгом воронье право, а потом уже и всех обитателей Святой Кабардинской Земли.

Близлежащие и далеко удалённые горы вдруг раскрасились в разные, преимущественно тёплые цвета радуги. Разве только далёкие, сливающиеся с небом, мерцающие горы были более размытые и выглядели волшебной, но Божьей декорацией для выкрашенных в белый цвет, с чуть заметной синевой, кабардинских саклей.

Со многих дымоходов, уютно примостившихся на саклях горного аула подымался ультрамаринный с прожилками серого волчьего цвета, дымок. Но он не прямо шёл в святое кабардинское небо, никуда не сворачивая, как ему и положено. Он, дымок, делал некоторые кульбиты параллельными земным тропам Святой Земли, всплесками, и отдельными включенными нитями. Его, дымные зигзаги, кое где разрастающиеся в пузыри, как выдутые волшебным стеклотуфом, на секунды задерживались, чтоб тоже полюбоваться красотой, дарённой Аллахом Кабарде, разукрашенных так искусно кабардинских горных просторов.

По всему аулу, вдоль его склонов, уходящих в неизвестную даль, тянуло приятным Кабарде горелым кизяком. Очень странно, что кизяк, при изобилии лесных массивов в горах, а следовательно и наличии дров, не употребляли как удобрение скупые на урожай кабардинские земли, а сжигали его в печах и даже пепел употребляли редко в качестве удобрений малоурожайной почвы.

Считалось, что кизяк – это продолжение жизни любого аула и с ним нянчились как с ребёнком. Сушили, складировали и несколько раз переключивали, чтоб к осени и зиме он был сухой и готовый к употреблению. Кизяк временно соревновался с кукурузными стеблями, но они, кукурузные стебли, сжигались в основном в осеннее время, а кизяк, как полновесный хозяин зимы и тепла каждой кабардинской сакли, сжигался зимой. Он с достоинством производил тепло и с таким же достоинством хранил его, долго тлея и краснея отдельными угольками в кабардинских печах и лежанках. Его горелый запах приобретал в аулах святость. Его далеко чувствовал запоздалый путник и был он для него как путеводная звезда к теплу и уюту, чашке свежей воды, а может даже лепёшке, замешенной доброй кабардинкой и испечённой в кабардинском тандыре.

Сегодня, в святой кабардинский день, (а в Кабарде все дни дарённые Аллахом святые), некий путник в старой дырявой хламиде с заросшей, года два не стриженной и даже не чёсаной бородой, сильно хромя на одну ногу, опираясь на два костыля, появился на уже построенном мосту аула. В ауле проживал, мы знаем, Терский казачий полковник Букрат, в народе уже считавшимся Баем. Он и построил мост.

Путник с трудом присел у перил, рядом положил костыли и порылся в своей походной нищенской суме. Но там было пусто. Однако он сделал жест как будто положил в рот найденные хлебные крошки. На этом успокоился и прилёг головой на костыли. Задремал. Что ему

снилось – может далёкая и красивая юность – мы не знаем. Знаем только, что юность всегда бывает красивая, в любом её проявлении.

На мост пришел со сбитой в грязные комки шерсти, сплошь в репейниках, бездомный серый пёс весьма преклонного возраста. Он обнюхал спящего путника, зевнул и видимо почуяв в нём такую же гонимую, но родную душу, лёг рядом. Пёс положил морду на передние лапы и принялся изучать глазами окружающий мир. Мост был новый, и главное через него можно уже перебираться, из пусть не очень далёких мест, но в обжитый аул. А там, если даже никто ничего не даст, то можно покопаться в мусорниках и выудить что-то съедобное. Ему не впервой! Точно так же не впервой было и дремлющему спутнику. – Два сапога – пара! Оба гонимые.

Даже безродный бедняк, имеющий полуразрушенную саклю и сухарь на обед, считал себя господином к подобным путникам, еле передвигающим ноги по белу свету. Но «пути господние» неисповедимы. И не знает никто, что над каждым висит «Домоклов меч» на тоненькой ниточке, а она в любое время может оборваться.

Может и дремлющий нищий был когда-то кем-то значительным и сильным, да когда-то стал то-ли случайно, то-ли по неверному расчету не на ту тропинку и Путеводная Звезда показала ему не то, ему нужное, а враждебное направление.

Мы пока не знаем кто он, прибудившийся старый немощный человек, пришедший на новый мост через без именованную речку. В ней, речке, только неделю как появилась вода, переворачивающая мелкие камешки с места на место. В горах пошли осенние дожди и оживили много мелких без именных речушек и ручейков.

Мост для аула через речку был новшеством и необыкновенной человеческой дерзостью, доколе невиданной в этом ауле. Поэтому много людей во времена редкого осенне-зимнего безработья приходили просто поглазеть и постоять над текущей водой. Интересно опереться на не очень устойчивые перила, чуть-чуть балансируя и смотреть вниз на бесконечно текущую ленту бурлящей воды. Как-никак речушка была горная и вода в ней текла быстро, в отдельных местах с небольшими водоворотами. Попадала щепка в такой водоворот и крутилась, не в силах вырваться из своеобразного заколдованного круга.

Видимо и наш путник, пусть и не по своей воле, попал в своеобразный людской водоворот, из которого выбраться потом почти невозможно. А особенно, когда ты несешь на своих плечах много прожитых лет. И нет чего из тебя больше взять! Такой вот... закон жизни!

Посмотреть на бурлящую воду прибежала на мост стайка ребятишек. Мальчики. – Девочки сидели по домам и заплетали, и расплетали свои косички. – Это Кабарда!

– Смотрите опять серый пришёл – закричал мальчик на своём языке. – указывая пальцем на собаку.

– Да видим... чего ты кричишь? – урезонил его старший мальчик, рассматривая спящего старца. – Пришёл потому что мост построили, а так бы он сюда и не сунулся. – Наверно вместе с дедом. Наверно поводыр. Рассказывала мне бабушка как собаки старцев водят. – От детских голосов проснулся путник, привстал и протёр глаза. Потом, то ли с интересом, то ли с опаской посмотрел на мальчиков. Он помнил, что во многих селениях, где он проходил малыши на него бросали комками грязи. А будучи хоть человеком и добрым, но особенно в своём теперешнем положении, всё же их приходилось отгонять костылями. Такой вот антагонизм. А как же! – Рассказывают же мудрецы, что он, антагонизм, двигатель прогресса! ... Много рассказывают...

Однако, несмотря на некоторое напряжение и неожиданность – увидев на мосту старика с костылями один мальчик спросил —

– Дедушка, кушать хочешь? На вот тебе кусок лепёшки. – и он не доходя до старика метра полтора, чего-то боясь, кинул ему кусок лепёшки, выудивши её из кармана..

Кусок подхватил пёс, подошел к старику и прежде чем начать есть положил на землю. Посмотрел в разные стороны. Старик дрожащими руками поднял спасительный кусочек, разломил пополам, одну половинку отдал псу, а другую, отщипывая маленькими кусочками,

отправлял в рот и долго жевал. Видимо не только с ногами, но и с зубами у путника было не всё в порядке.

Старик, не дожевал до конца небольшой кусочек лепёшки, шепелявя спросил —

– Где мечеть?

Ему пришлось повторить ещё два раза, чтобы ребята поняли его желание.

– Дедушка, я проведу вас – сказал мальчик давший ему кусок лепёшки. Тот кивнул головой и сделал попытку подняться. Уже двое малышей подошли, чтоб помочь ему встать. Их ещё не совсем посетила кабардинская гордость – общаться только с равными. Старик помощь категорически отверг и с третьей попытки стал на костыли.

Мечеть находилась недалеко. Через пол часа старик опустился на землю возле дверей мечети, махнул мальчику рукой, чтоб тот шёл по своим делам и под нос пробурчал: «Вот здесь и найдёт меня моя Смерть. До своего аула и своей сакли я не дополз». Лёг на спину и устремил свой взор в Небо. Мальчик постоял ещё минуты три, виновато улыбнулся и убежал. Своим приятелям, придя обратно на мост, он рассказал, что старец пришёл к мечети, чтоб умирать. Туда же прибежал и серый пёс. Наверно умирать будут вместе.

Дети возле воды набрали камушек, побросали их с моста в воду, немного поозорничали и ушли каждый в свою саклю. Дома рассказали увиденное на мосту, а домашние тут же поспешили поделиться с соседней саклей. И уже через два, два с половиной часа весь аул знал, что к мечети пришёл старый человек за своей смертью. Как будто он когда-то забыл её там. Ну так – пусть так! – Знать так хотел, или так на роду написано – пусть умирает. Мулла потом знает что с этим делать. Это дела, Твои Господи, муллы и самого старика. Каждый в своей сакле потолковал минут пятнадцать над редким в Кабарде явлением и аул, вначале разбуженный как улей с пчёлами, быстро успокоился. – Все мы смертные...

Такие сведения дошли и к большой сакле полковника Букрата. Но по всем высказанным приметам пришедший старец был кабардинцем. А небольшое, в принципе – в зародыше революционное движение в Кабарде осуществлялось приезжими русскими агентами. И, как правило, вяло доходило к столице Кабарды и некоторым районам. До аулов оно не дошло и доходить будет долго.

Тем более, что пришедший был очевидно очень старый человек и на возмутителя общественного порядка никак не тянул. Букрат махнул рукой и пробурчал: «К мечети он пришёл, это поле деятельности муллы, пусть он и разбирается». На том и успокоились.

Успокоились, да не все. Перед заходом Солнца подошла к нему «Амазонка» и сказала —

– Милый...

– Что, моя радость? Слушаю тебя...

– А что если этот старый несчастный человек окажется твоим, или моим отцом? – Тогда как?!

– Тогда это вообще из разряда самых небывалых фантазии! Твой отец не кабардинец, а мой давно погиб. В его полку даже запись есть о его гибели. Успокойся и выбрось из головы. Мулла знает, что нужно делать. – Она сделала вид, что успокоилась, но через десять минут вновь подошла к мужу.

– Милый, я готова согласится, что это не мой и не твой отец, но он ведь всё равно чей-то отец. Тогда как?

– Тогда пусть его дети и думают что делать. – и он отвернулся. Но «Амазонка» подошла вновь и сказала —

– Знаешь, меня беспокоит этот случай. Ведь не случайно он пришёл в наш аул. И не случайно здесь захотел умереть. В нём кроется какая-то тайна. Разреши мне посетить его... Букрат на неё долго смотрел. В его душе бушевали две силы. Одна – что жена вдруг возражает кабардинцу, вторая – что такое событие редкое и почему вдруг в его ауле. Победил на этот раз разум.

– Хорошо, возьми двух казаков и в форме капитана езжай. Я умываю руки. – Первый раз она ответила с лёгкой досадой —

– Они у тебя всегда чистые. Но какая-то сила спасла тебя когда разорвало снарядом. Я чувствую, что эта сила рядом. С тобой...

Подъехала она на карете. Возле старца уже стоял мулла и разводил руки.

– Мы не достаточно молимся и не достаточно умащаем нашего Аллаха дарами, вот и послал он нам прокажённого человека, чтоб напомнить. Нужно собрать молебен всего аула и умастить нашего Аллаха дополнительными дарами. – И он поднял взоры к небу.

Амазонка подошла к старцу. Их глаза встретились. Она увидела в его взоре огромное страдание без никакой просьбы. Взяла его руку, закатила рукав. Рука была грязная, но без язв.

– Нет у него никакой проказы. Я его забираю. – И сказала двум казакам перенести его в карету. Они повиновались. Но запротестовал мулла.

– Аллах послал его в нашу мечеть, чтоб обогатить её! Если заберёшь – будешь проклята!

– Святой хазрат, если вы окажете ему бытовую и медицинскую помощь, я его оставлю. Но вы этого не сделаете. Поэтому вот вам золотой рубль и мы уезжаем. – Рубль вызвал на лице мурлы мимику немного напоминаемую улыбку и карета со старцем уехала. Мурлы ещё долго стоял в размышлении – как-так случилось, что он согласился на малую плату? И подумал: «Правильно о ней говорят – Шайтан а не женщина! Но кака-а-я!.. Грешно о ней думать, но мулла был уверен, что Аллах его мысли не прочитает.

В построенном двухэтажном доме для обслуживающего персонала и временного размещения купленных лошадей, в заготовительном отсеке для кормов старику на сегодня в пристройке возле конюшни соорудили что-то вроде кровати, накормили и напоили, а выяснения обстоятельств оставили на завтра.

Амазонка была довольна и рассказала всё мужу. Он безразлично сдвинул плечами и ничего не ответил. Она продолжила —

– А знаешь, когда я спустилась из кареты и подошла к нему, то увидела над его головой светящийся нимб. Потом он повернулся посмотрел на меня и нимб исчез. Я в Индии такие нимбы видела над головами монахов, а иногда даже у их священных коров. Ты не смейся. Я не говорю, что они там были, но я их видела. Это материя очень тонкая. Что-то подобное связано и с этим стариком. Я уверена! —

Букрат притянул её к себе, поцеловал в обе щеки и тоже ничего не сказал. Это означало, что я здесь взрослый, а ты ещё дитё. Она поняла и допустила к своему сердцу небольшую обиду, но тут же справилась с чувствами и обида исчезла.

На следующий день за старика по поручению «Амазонки» приступили две медсестры и казак.

Первым долгом остригли волосы и бороду и сожгли волос, потому, что в них кишело много насекомых. Устроили ему баню. Одежду дали новую, но по приказанию «Амазонки» над старой провели санитарную обработку и законсервировали. Вдруг по ней придётся, как по маленьким песчинкам дополнительно, восстанавливать происхождение старика. Букрат не то что не поддерживал начинания своей жены – он просто не был активным. И в душе посмеивался над ней. – «Чем бы дитё не тешилось!».

Вести беседы со стариком для восстановления его личности поручили опытному майору, прибывшему вместе с «Амазонкой» в эти края. Тем более он уже был в годах и очень много чего на свете видел.

Добился пока он мало. Старик не помнил своего имени и откуда он явился. Было видно, что это не притворство, а полная амнезия. И выводить из неё старика придётся долго, если вообще возможно. Он только говорил о корабле, о катастрофе, о Турции и при слове Турция показывал на своём лице и своем теле рубцы от ран.

Букрат так и не пришёл с ним познакомиться. Он не мало видел на своём пути шатающих нищих обездоленных людей. Всех в одночасье и в одиночку не обогреешь. Ну раз уж попал старик в пределы его общего двора, если греют его и ухаживают за ним жалеющие неравнодушные люди, то вольному воля. – Он не возражает.

Так прошло больше двух месяцев. В Кабарде начались дожди. Погода испортилась и о приبلудившемся нищим почти все позабыли. Живёт он в уголке хозяйских строений – и пусть живёт.

Однажды мать Букрата порезала руку и пошла в хоз-пристройку к медсёстрам. Ей ранку промыли молодые медсёстры, перебинтовали руку, поговорили о том о сём. Она спросила не приглянулся ли им какойнибудь кабардинец, чтоб выйти замуж. Те посмеялись, не ответили ни да, ни нет. И мать Букрата ушла.

Но Когда она проходила мимо конюшен, случайно вышел приبلудившийся старец. Они посмотрели друг на друга и мать Букрата остановилась как поражённая молнией! Она вскрикнула, протянула к нему руки и впала в обморочное состояние. Вышли служивые люди, развели руками и послали за медсёстрами и Букратом...

Глава 6. Исповедь

Новая церковь внушительных размеров, что построили в Новом Русском, уже разросшемся посёлке возле Арли во Франции была расписана двумя братьями, «пасынками» Наташи. «Пасынки» были до мозга костей импрессионистами, поэтому и роспись была в духе импрессионизма. А что делать? – Время такое!.. А оно всегда хорошее по своему.

Церковь представляла собой ракушку с широким двухметровым коридором, окружающим центральный большой зал. Вначале коридором низким, постепенно увеличивающимся в высоте, уходя как в небо в центральном зале. Коридор символизировал чистилище с копиями иллюстраций Сандро Боттичели на «Божественную комедию» Данте Алигьери.

И молящийся, прежде чем попасть в светлый Рай торжественного зала, уже проходил своеобразное чистилище, чтоб оставить всё мирское и бренное, в том числе и грехи свои тяжкие. Уже, после увиденных ужасов Дантовских Чистилищ, молящийся подходил к иконостасу отделяющему молеальный общий зал от алтаря очищенным, мечтающий только о Боге.

Так называемый, купол церкви, был совсем не куполом, а представлял собой простой девятигранный стеклянный конус уходящий в небо. Наверху конуса покоилась крохотная луковка и уже на ней – золочёный православный крест.

Центральная часть алтаря делила зал почти пополам и была высокая с нечётким, в манере импрессионизма, но узнаваемым изображением Иисуса Христа. А там где должно находится его сердце, изображена Дева Мария с младенцем. – Тем же Иисусом Христом. Справа и слева центрального изображения написаны тоже в манерах импрессионизма лики святых.

Сооружение не было похоже на стандартные строения церквей. Это уже начиналось новое веяние в архитектуре, которое потом подхватил знаменитый архитектор Ле Корбюзье и довёл его до своеобразного совершенства.

Жизнь повествует нам о том, что всё гениальное формируется со вспыхивающих крупиц, иногда взрывающихся в виде отдельных огоньков в скоплении народных масс. И потом... только какой-то один, отдельно взятый гений... а гений только потому что он находился в нужное время, в нужном определённом, пока с неизвестными нам силами, месте. В том, где под воздействием еще не названных, неопределённых сил, народные огоньки концентрировались, как концентрируется луч Солнца через увеличительное стекло в малую горячую точку и воспламеняет... в данном случае, сознание, через какое-то там... наитие! – Придумывает же человек!!! – Может так и надо!

Наверно церковь в Новом Русском Посёлке тоже была той отдельно светящей крупницей народного таланта. Она выделялась простотой своего строения и ослепительной белизной цвета. И поэтому являлась новшеством в самом простом смысле привычного зодчества. Однако имела силу притяжения как всё новое и неожиданное.

Сейчас, в середине Ноября, месяце при сравнительно тёплой погоде на просторах Арли... перед алтарём в новой церкви, одна – оденешеньки стояла на коленях Наташа. Её глаза со страстью верующего и просящего человека горели и были устремлены на облик Девы Марии, и она в душе своей творила молитву, и с языка её срывались такие слова —

– Господи!.. —

Да что там верующего и просящего человека! Даже неверующие атеисты во время скорби своей и крайнего душевного уныния, когда уже никаких путей к возрождению смысла их жизни нет, падают на колени, устремляют взор в небо и просят спасения! Когда уже очень припекло... и другого решения не видно даже на просветлённом от затянувшегося тучами горизонте.

Они тоже надеются, Бог знает на что, несмотря на то, что натворили много непоправимых бед, не оправданных ничем и никем, оставляя кровь и слёзы от своей атеистической деятельности! И они туда же! И они за надежду! Знать и атеизму слово такое не чуждо...

И так, Наташа стояла на коленях и первое её сказанное слово было —
— Господи!.. —

Но она остановилась... задумалась... с чего бы начать. А сказать хотела много. Так много накопилось в её ещё такой недолгой жизни. Хотела найти самое главное, самое проникновенное слово, чтоб не тревожить Бога по пустякам. И продолжала...

— Дела мои — это проекты Твои Господи! Потому, что не могла я, ещё такая молодая и неопытная самолично без Твоего разрешения и намерение творить их! — Потом, как бы опоминаясь, подумала, решила что сказала правильно и вновь продолжала. —

— Я шла тем путём, каким указывала Твоя Путеводная Звезда и Перст твой мне лично, или путём предложенным другими, но... не без Твоего согласия! Потому, что перед каждым моим решением я на коленях творила молитвы и просила тебя дать знак — как поступить мне. И если я поступала так, а не по другому, то только по Твоему велению, или по Твоему наставлению, подсказанному мне лично через моё сознание, или через подсказку других людей избранных Тобой!

Но не смотря на всё сказанное, я сознаю путём сопоставлений, и путём рассуждений своих, что я Грешница! Большая грешница!

И это ты, Господи, допустил это! Ты видел мои грехи, больше того — череду моих грехов и все мои сомнения с распростёртыми к тебе руками, Ты не остановил меня!

Так скажи, это Ты Господи, отдал мою душу Дьяволу, чтоб он творил, не только моими действиями, но и моими помыслами недопустимое зло, или Ты просто испытываешь меня?! Может быть и сейчас, когда я стою перед Тобой на коленях, испытываешь на пригодность тем делам, и тем помыслам на которые сподвиг меня мой бывший муж, а сейчас коллега, чтоб творить добро моей Родине — России!

Чтоб отдавать всю мою, даже где-то греховную силу, забывая о том, что я женщина, и что я мать маленьких детей!

Скажи, Господи, зачем ты преподнёс мне, слабой женщине, золотую чашу с горьким зельем и предложил испить её?! Почему Ты не нашёл другого, более сильного душой и телом человека для такой сакральной цели?! И чтоб испить сию чашу до дна, не уронив ни капли горького зелья, я должна закалять себя, почувствовать сверхчеловеком и не проронить ни единой слезы, чтоб не увидели окружающие, что я обыкновенная слабая женщина! Иначе вся эта, уже возведённая конструкция может показаться хаотическим нагромождением и бесславно рухнет! Мои хрупкие плечи держащие её, вынужденны притворятся, что держат её не один десяток помогающих мне Чудищ!

Я знаю, что мой законный муж, уже не муж мне, а сейчас муж моей бедной мамы, проведшей свои лучшие годы монашкой, в ожидании мифического семейного счастья. А оно оказалось лишь красивой мечтой, очень далёкой от реальности!

Так же и отец мой, в поисках своего счастья, которое на взгляд его, было схоронено в сердце моей мамы, проискал много лет, получил увечья, а на самом деле его счастье было не в моей маме... В ней он так и не нашёл его... оно было в другом месте!

И вот, из такого противоречивого симбиоза, из двух далёких друг другу душ, по неизвестной воле, Ты Бог, из каких-то блуждающих, но центростремительных в какой-то миг друг к другу сил... сотворил меня!.. Значит появилась я, Господи, по твоей же воле! По Твоей!.. Потому, что без Твоей воли ничего не появляется и не исчезает!

И сейчас, когда я осталась одна, полномочная решать быть, или не быть! Когда я одна и здесь, и на Турецкой земле в Российском посёлке за всё в ответе, то только Ты, Господи, мой полномочный Подсказчик и Путеводитель. И только ты можешь дать мне Знак! Так не бросай меня! Научи меня и дай силы постичь и осуществить Твоё учение и намерение Твоё!

За мной ухаживают два взрослых брата моих маленьких сыновей. Научи как отказать им, чтоб не обидеть, и чтоб они в своём сердце не копили ненависти друг к другу и ко мне. Чтоб

они не копили ненависти к бывшему капеллану, священнослужителю нашей церкви, который тоже пытается ухаживать за мной и завладеть моим сердцем. Научи меня как устоять перед капелланом Леонидом... потому, что моя душа тоже тянется к нему и я однажды могу, как слабая женщина, не выдержать и протянуть руки ему навстречу...

Пока меня удерживает от такого поступка клятва, которую я когда-то дала в минуты душевного порыва, перед Матерью Божьей своему мужу и истинному отцу моего младшего сына. Но она ежедневно теряет по маленькой частичке силу и скоро исчезнет совсем перед насущными обстоятельствами. Я утеряю последний оберёг и тогда меня ничего не удержит от женского вечного и естественного зова. Боже, научи как быть мне!»

Она не помнит последние слова произнесла вслух, или это её совесть прочитала тихо, но вопиющим внутренним голосом с тех скрижалей, что уже почти год носила в душе своей и они жгли её! Она оглянулась назад.

Поодаль у самой противоположной стены стояла дочь капеллана и у неё текли слёзы. Наташа пришла в себя, ладонями стряхнула с лица своего какой-то взвешенной налёт святого трепета и спросила —

– Давно ты здесь?

– Нет, я только пришла, увидела как ты усердно молишься перед нашим Господом Богом, и застыла в нерешительности как околдованная. Боялась шелохнуться, чтоб не прервать твою молитву. —

Наташа встала с колен, и не подходя к дочери капеллана спросила. —

– У тебя наверно есть какое-то неотложное дело ко мне, что ты нашла меня в церкви?

– Да, есть. Но я тебя не долго искала. Во мне непонятное чувство подсказывает где ты есть в реальном времени. —

От её признания Наташа вздрогнула, но не подала виду. Сейчас она почувствовала, что после общения с Богом, поверила себе, в несокрушимую силу – её душа стала крепкая как камень, и появилась железная воля. И она попросила уточнить —

– Какое дело... говори...

– Может это и не хорошо с моей стороны, но я обязана предупредить. Так я считаю.

– Что случилось?

– Я услышала разговор твоих пасынков. Они сейчас навеселе. Обещают именно сегодня найти тебя, потому, что больше терпеть не могут и вырвать из тебя признания за кого ты из них выйдешь замуж. А выйти замуж ты должна за кого-то из них!.. Никакой проволочки они больше не допустят! Или изгонят тебя...

– Милая, давай скорей выйдем из церкви, потому, что меня душит смех, а смеяться в церкви грешно. – И они вышли. – А теперь у меня к тебе есть просьба.

– Пожалуйста. —

– Побудь моим посланцем, найди моих пасынков и передай, что я серьёзно отношусь к их намерениям, но пока я официально замужем. Поэтому пусть едут в Россию и спросят у своего отца и моего официального мужа, кому из них он меня порекомендует. Лишь после этого будут добиваться моей руки... И ещё добавь, что изгнать меня они не в силах. У меня официальный договор с французскими властями на устройство российского анклава, и ещё на многое другое... – Дочь капеллана осталась в замешательстве.

Наташа сегодня обедала, как и очень часто с Элен. Вместе с ними обедал капеллан и капитан корабля «Император Пётр Великий». Капитан много шутил, рассказывал о своей прошлой жизни, остальные ели молча. Думали о своём. Элен о том, что её два сына до сих пор не женаты, а с тех пор, как появилась Наташа, они о других женщинах и думать перестали. Хотя не так давно поняли один и другой, что это яблочко им не по зубам. И обещали матери больше на Наташу не надеяться, но до сих пор продолжают соперничать. И она с досадой хоть и мимолётом подумала: «Зачем такое „счастье“ навалилось на её, до этого совсем на не эмо-

циональную семью?». – Однако, она тут же свою мысль как пылинку смахнула со своей души и спросила – — Наташа, что там произошло в твоём поселении. Два дня подряд шли какие-то нехорошие разговоры? —

– Ничего особенного. Просто из России, и в этом видимо виноват капитан ... – при этом она с улыбкой погрозила пальчиком капитану, тот улыбнулся – пришли революционные настроения. Нашёлся смельчак и организовал кружок «Неравнодушных людей». И они туда же! – Отобрать всё у богатых и поделить поровну. Но Богатыми они считали не только людей нашего клана, но и многих французов. Я собой была удивлена! Оказывается я могу быть и жестокой, когда дело касается меня и моих близких. Мне совсем было их не жалко, хотя они мои соотечественники, когда их повязала французская полиция. Я как и французы сказала – хватит! Довольно для Франции Давида и Робеспьера, да ещё для таких дел – гильотины!

Вчера мы учредили свой собственный полицейский участок и подобрали в качестве полицейских своих верных людей.

Я думала, что для нашего анклава довольно будет только церкви – оказалось нет! По шерсти гладь – но палец в рот не ложи!

В разговор вмешался капеллан Леонид. Его до сих пор так и называли – капелланом.

– Не напрасно говорят: «Подавая пряник – держи в руках кнут!».

– Я совсем не согласна! – Возразила Элен. – Это что-то напоминает мне зверинец. Я считаю здесь недоработка церкви. Она должна внушать в наших людей передовые идеи гуманизма. Божью доброту и заботу человека о человеке. – И она в сердцах отодвинула ложку от своей тарелки, таким образом усилив свой протест.

– Вы думаете, мадам, что Бог очень добрый, если говорите о Божьей доброте? – Спросил капитан.

– Я считаю так – ответила она, сделала очень серьёзную мину и отвернулась. Давая понять, что на эту тему разговор закончен! Во всяком случае она в нём дальше безучастна. Наташа постаралась выручить её и перевела разговор в другое русло.

– Капитан, когда ваш корабль разведёт пары, чтобы мне посетит в Турции русское поселение. Я должна в этом году последний раз проинспектировать «мою Турцию»?

– Дорогая госпожа Дончак – сказал капитан. Слова «Госпожа Дончак» Наташу сильно поёжили, но она за пару секунд справилась. А капитан продолжал – во первых корабль не мой, а ваш. Я на нём служу капитаном... пока вы меня не уволили. И второе – вы меня до сих пор плохо знаете. Прикажете, и корабль через минуту отвалит от пирса как только вы зайдёте в свою каюту. – Она всегда в чистоте и порядке, а на столе стоит букет свежих цветов. Всё по уставу. —

Капеллан захлопал в ладошки и приятно улыбнулся. Улыбнулась и Элен, отойдя сердцем за последние десять минут.

– Так когда мы отчаливаем? – Опять заговорил капитан.

– Могли бы и завтра – ответила Наташа. Здесь кажется все поля убраны, все производства загружены. Всё вроде так. Но, хотя я и не в меру злая на своих «революционеров», но они наши люди и я их хочу вернуть из французского полицейского участка и урезонить. Тем более, что сейчас у нас есть своя собственная полиция.

– Если вам это удастся – возразил капитан.

– Удастся! – ответила Наташа – у меня имеется волшебное слово и оно к счастью находится в моём кармане. А полицейские в любой стране... она заикнулась и закончила словом – полицейские...

– На любом банковском счёте имеется такое слово – возразил капитан. Наташа ничего не ответила.

Однако взойти на палубу корабля Наташе удалось только через две недели.

Чтоб вернуть людей в своё российское лоно, пришлось повозиться. Оказывается нужно было заполнить много бумаг. Потом каждый вернувшийся написал покаянное письмо, в церкви дал клятву перед иконой Божьей матери и стал на учёт в собственном полицейском участке.

Пришлось поработать с юристами и другими людьми, чтобы разделить российский анклав на три административные единицы, так-как он уже сильно разросся. Заложить в каждой «Единице» свою церковь, избрать свою администрацию, а это за собой потянуло много других дел.

Только через три недели Наташа покинула порт Па-де-Кале и отбыла к турецким берегам. Там в российском анклаве она побывала месяц. Её в пути и не только сопровождали капеллан и один из её пасынков.

Как и везде пришлось закатывать рукава и наводить порядок. Своим заместителем она оставила до весны своего пасынка. Он не возражал. Турция ему понравилась.

Таким образом и во Франции у наших героев кончился 2916-й год.

Год сравнительно спокойный, хотя российская армия в составе коалиции была измотанная. А это давало свои результаты и на всю мирную жизнь империи.

Как знаковое событие на западном фронте возле Вердена произошло сражение унёсшее с обеих сторон один миллион человек и названное «Верденская мясорубка» ... Она подействовала на всех...

Глава 7. Если есть пророчества – то их пишет сама жизнь

Я так думаю... и наверно не я один, что самое маленькое событие в жизни даже одного человека не является изолированной абстракцией, а принадлежит глобальному движению неизбежного проявления жизненных событий вообще. И маленькое, кажущееся сугубо индивидуальным проявлением отдельного мыслящего существа имеет своё уготованное ему место и свою нишу в общем большом движении. И не только... мыслящего существа. Где-то есть ниша и для амёбы, иначе её бы не существовало!

Поэтому меня, в моих глазах оправдывает то, что моё повествование, ели для кого-то и покажется не реальным вымыслом, имеет свою законную нишу. А раз так, то оно появилось и продолжает появляться, или развиваться в сугубо определённом направлении не по моей капризной прихоти, а как следствие общего глобального течения всей человеческой жизни!

Говорит теория Сотворения Мира, что глобальный видимый и воображаемый Мир появился из ничего. – Может быть и так. Но на протяжении постигаемого нами исторического периода, каждое, пусть самое фантастическое, но реальное событие ведёт за собой другое реальное событие, или несколько реальных событий, но в определённых рамках, или в рамочных ограничениях. Другими словами – могло быть так и эдак, но не выходя за немислимые пределы. В этих то, уже мысленных пределах, не зная что на самом деле в такой-то день кушал наш герой – мы в своих произведениях угощаем его предполагаемыми кулинарными изысками. Всего то навсего!

Поэтому меня немного позабавил случайно подслушанный диалог:

– Всему, что вы здесь написали, кто бы вы не был, я не веру ни единому слову. – Сказал первый незнакомец.

– Правильно делаете – всё должно подвергаться критике... если есть на то время! Но почему, извольте узнать вы, не верите? – Спросил второй.

– Потому, что о всех маловероятных событиях я читал у писателя не вашего круга! Он камня на камне не оставил от обсуждаемой стряпни.

– То же правильно! Только вы прочитайте у любимого вами писателя Знайкина, а потом у любимого господина Незнайкина. – Там один и тот же случай будет штопанный белыми нитками, а у другого – чёрными! Это всё равно, что описывать битву при Бородино. Один автор увидел её в 12 часов, двадцать минут, московского времени, а другой в те же часы европейского времени. Разница огромная, но... оба автора правы! – И уже вы будете смешаны с грязью... если так угодно!

Я не стал больше слушать, потому, что мне было не угодно! – Не хотел дальше смотреть кто будет смешан с грязью... На сто процентов правы оба хоть и говорили разные вещи. Ни одного процента я не оставил критикам. Те найдут за что зацепиться. Просто были описаны разные стороны одной медали. А она имеет триста шестьдесят градусов, и то, если не считать ни минут, ни секунд!

Если брат например «Верденскую мясорубку», то найдётся тысяча моментов, противоречащих друг другу. И правда и ложь в одной ложке! – Смотря кто из неё хлебать будет! Просейте события через нейтральное сито, то останется одно настоящее предположение. – «Десяток тварей, затеявших бойню, знающих, что они останутся жить, уничтожили миллион человек. – Многие погибшие верили, что они отстаивают внушённую им правду, за тем и убивают! Расплата не была длинной – их убили тоже, по той же причине».

Что можно сказать? – Язык не поворачивается! Оправдание лишь в том, что все погибшие там – в любом случае... когда то бы умерли – И тот кто послал убивать, и тот кто убивал! —

Был такой ... «междусобойчик»! ... Не большой...

Неандертальцев стёрла история, оставив лишь четыре процента в нашей крови... Это глобально! – Но мы же не жалеем, не проливаем слёз! Погиб Максим – и чёрт с ним!

На мой взгляд, тем кто затеял бойню в недалёком прошлом и послал на смерть миллион невинных людей, даже не хочу давать определение и называть их, чтоб не поганыть словом эту страницу... потому что... в недалёком прошлом ... Болит ещё рана! А что в далёком – мы просто улыбнёмся и может скажем: «Ты глянь! Кто-то помнит же! – История...».

Так вот к чему я?! – Кажется я уже пояснял, но напомню ещё и в этой книге. Если я касаюсь истории, то беру глобальные явления, основные точки, которые безусловно были и оставили незаживающие шрамы. А вот как и какие они были, почему и зачем они были – пойдти и разберись, ели ты такой гений! —

По моему, на мой фантазирующий взгляд – было именно так как я написал! – По своему наитию... или просто я так раскинул карты, и так лёг бубновый туз, или прочитал «историческую справку»! Ещё по многократному моделированию ситуаций и человеческих отношений в разные периоды времени. И я выбрал одно из них в силу своих убеждений, своего характера... и своего сиюминутного настроения. А почему бы и нет – ведь рассказываю то именно я. Кто-то расскажет по другому – читайте их!

Разве кто будет спорить, что, например, очень красивая гувернантка ставившая на стол кофе Барклаю-де-Толли, пока его не заменили на одноглазого Кутузова во время войны 1812-го года, потом вышла замуж за наполеоновского двадцати трёхлетнего генерала Жана Поль Шрамма и уже не она ставила, а ей приносили кофе в постель. И где они теперь? – Все Барклаи де Толи, или Жанны Поль Шраммы? – Нет! – Их нужно моделировать. А кофе и сейчас кто-то медленно потягивает, читая, на его взгляд мою «галиматью». Росло и собиралось оно для того – кофе то ведь!

Поэтому, всё что я здесь пишу является правдой... в одном из сотен возможных, или происходящих на моих глазах, или в моём воображаемом представлении из многих просмотренных ракурсов!

Ведь почему Иван Грозный – был такой грозный?! – Потому, что время было такое – голодное! Друг у друга со рта вырывали кусок хлеба! Каким образом вырывали, уже не важно, если у вас исчезает цель просто пощекотать нервы! А почему голодное? – Потому что неурожай были! А неурожай были не потому, что люд ленивый, а потому, что где-то там в Южной Америке было извержение вулкана, закрывшее пепелом Солнце... то ли отклонилось течение Гольфстрим и вся Европа, да и Россия покрылась льдами. Какие могут быть урожаи? – Вот и характер Ивана Грозного. – Это к примеру. Это, чтоб показать как все мы моделируем. А там верьте – не верьте! Но я пока не о замедлении тёплого течения. Просто – начальная хоть и длинная разминка ... Сейчас... вернёмся к делам нашим насущным.

Полковник Дончак и Ольга после завтрака неспешно пили чай. Было воскресенье и в полк полковник решил явиться после обеда. Новая, совсем юная гувернантка, заменившая Аглаю, тоже сидела за одним с ними столом и, недоумевающая... даже с опаской и душевной дрожью, пила чай. Руки у неё тряслись. Неслыханное дело! – Полковник служанку посадил за стол и сам, даже без участия Ольги подал всем завтрак. Гувернантке тоже, с таким же изяществом как и подавал жене. Она гадала, что за этим последует? – Полковник уловил её мысль – было не трудно. Поэтому улыбнулся и обратившись к гувернантке сказал. —

– Дитё, расслабься, и если уже попила чай, можешь нас оставить. С посудой мы справимся сами. – Гувернантка ушла. А он побарабанив пальцами по столу, отрешенно ни к кому не обращаясь проговорил —

– Да, в Сальск нужно готовить десант... И, видимо, не откладывая в долгий ящик... на текущей неделе...

– Там осложнилось? – С тревогой просила Ольга.

– Видимо да! – Ответил он. На том и ограничился.

Десант решил послать он тайно, преимущественно из тех офицеров, что остались после выздоровления в его полку под командованием уже подполковника знакомого нам из первых двух книг – капитана Олега Петровича Юсупова. Подполковник рвался свидеться с Букратом, своим спасителем, подобравшем его после ранения на западном фронте, но полковник Дончак попросил его развязать завязавшийся под самым его носом, узел. Юсупов согласился. Вся команда состояла из опытных офицеров разного ранга. Плюс Дончак добавил два младших офицера из департамента полиции.

Отряд был сформирован. Однако полковник сегодня в ревизорскую командировку его не послал. Не послал и на следующий день. Он медлил. Он вспомнил рассказанный его отцом случай. Именно туда, именно для ревизии много лет тому назад был послан отряд казаков... но они так и не вернулись. Исчезли бесследно. Но именно это предприятие, этот огромный крааль как и при его отце, так и сейчас был очень прибыльным. И самый лучший каракуль поставлялся именно им. Конечно, в основном, это зависело от пастбищ, но немаловажную роль играли и управленцы.

Можно было так и оставить, но вмешалось вездесущее любопытство и внутреннее предостережение, что дела так ровно, бесконечно продвигаться не могут. Обязательно в какой-то точке пересечётся случай и время. И не дай Бог при его жизни, или при жизни его родных. И может быть даже коренным образом придётся что-то изменить, вплоть до продажи прибыльного крааля. А не хотелось. И он закрыл глаза. Всё потемнело, потом что-то вспыхнуло...

Стена поплыла перед его глазами, портрет императора Николая Второго, что висел на стене, закружился, сжался в точку, потом расплылся и занял всё воображаемое пространство, глаза слиплись, он постарался открыть их, но не смог. В голове как щёлкнуло, как изменилось время. Только что был день, а уже ночь. Только что был его домашний кабинет, а уже неузнаваемый лабиринт одновременно. Он шёл... нет он не шёл – он парил, а анфилады каких-то помещений надвигались на него и проносились мимо. Видения не ясные, затуманенные, ещё больше туманящие рассудок, только изредка вспыхивают мгновенными огоньками реальности, через которые он скорее чувствовал, чем видел странное подземелье. Подземелье очень туманно трансформировалось в серо-зелёную мерцающую гладь степи, как натянутое полотно на что-то огромное и только ветер гуляет по нему и вздыбливает чуть заметные волны. А далеко из за горизонта плавно выплывает Луна, окружённая серо-зелёными и серо-оранжевыми ладьями туч. Они переливаются из одной в другую, меняются цветами, как маленькие ягнята стараются обогнать одна другую, но опрокидываются и вновь занимают своё место, чтоб вновь бросится в перегонки и меняться каждую минуту причудливыми формами.

Над всем огромным зелёно-серым покрывалом, лежащим внизу повис и быстро вырос огромный диск Луны, закрывающий почти всё Божье Небо! Диск ярко оранжевый вверху, как нимб над головой святых. Он излучал, скорее метал оранжевые искры, плавно переходя в тёмно красные цвета, раскалённого металла возле самой Земли. Казалось низ Луны посылал такие же раскалённые стрелы, что летели вдоль Земли и светились переходя от чёрного в еле заметный горячий фиолетовый.

А под всем, на ночном покрывале Земли медленно ползёт огромный многокилометровый Змей, дышащий лунными лучами, то расширяясь, то сужаясь, вроде постепенно глотая добычу свою. Ползёт медленно, но уверенно и нет ему конца. Иногда кажется, что ничего больше нет, кроме Змея пожирающего всё сущее и Огненной Луны, которая не даёт ему проглотить ночное пространство полностью. Но это вовсе не Змей, или Змей, но состоящий не из единого змеиного тела, а из... где в три, а где-то и в четыре ряда идущих воинов во всей своей боевой амуниции и каждый ведёт под уздцы оседланного коня. Идут молча, каждый неся в своём шлеме меру земли, чтоб высыпать её на круто возвышающийся курган. Хоронят, предают вечности скифского царя. Грозного царя... побеждающего вечность. Идут тихо, только изредка

робко зазвенит металл об металл на конской сбруе. Кони понимающе не ржут и не издают храпа, чтоб не нарушить вечность, и вечный покой своего грозного сатрапа.

По обе стороны кургана с Востока и Запада стоит по сто плакальщиц. Одеты они в ярко красные сарафаны закрывающие шею, спускающиеся до самой земли, а сверху накидками прикрывающими спину и бока безрукавные кожаные кафтаны. Плакали они так, что слышно было больше чем на пятьдесят вёрст вокруг кургана. По всей степи раздавались то затихающими, то усиливающимися волнами дикие стоны, да так, что волос подымался дыбом не только у людей, но наверно и у заблудившихся и пробегающих мимо волчьих стай! Они оплакивали не только своего любимого царя, но и его жён и наложниц! И ещё пятьдесят молодых любимых царских воинов и их боевых лошадей, что похоронены живьём, в состоянии сомнамбулы – в наркотическом глубоком опьянении. Их царь не должен испытывать неудобств по ту сторону жизни. Много золотых украшений и других драгоценностей похоронено вместе с царём. Ему предстоял долгий путь в загробном мире и негоже, чтоб скифский, или сарматский царь испытывал неудовлетворённость и в чём то терпел нужду. Ни в удали воинов, ни в ласке женской!

Видение степи растворялось, появлялось другое, видение и постепенно трансформировалось в подземелье, где веками покоились царские воины, ни разу не натянувшие тетиву лука и ни разу не обнажившие свой меч. Меч прикипел к красивым, украшенным драгоценными камнями ножнам. Спали глубоким сном жёны и наложницы, больше не испытав ни царской ласки, ни царского гнева и не израсходовав свою любовь дарёную самим Богом. Жуткое и завораживающее зрелище, не приведи Господи ещё раз испытать такое...

Вдруг... одна из жён царя чуть шевельнулась, открыла глаза, села... потом медленно встала и подплыла к полуживому полковнику. Она протянула к нему руки... Господи!.. Какое знакомое лицо! Он хотел бежать, но прирос к месту! Не мог пошевелить даже пальцем! А женщина рядом! Она берёт его за руку и начинает трясти! Он слышит через какую-то пелену, чётче и четче —

– Володя, что с тобой?! Очнись! Ты весь дрожишь! —

Наконец груз придавивший его всё тело спал, он почувствовал себя свободно и открыл глаза. – Вокруг всё знакомо, всё очень родное и рядом дорогое ему существо – Ольга. Полковник помедлил, пришёл в себя, улыбнулся и сказал —

– Всё в порядке, дорогая, я просто забылся и уснул... прости, если напугал... а сам подумал: «Прадед рассказывал, что тот небольшой овечий посёлок вначале назывался: «Курган». То было давно разграбленное захоронение предков донской земли.

Но к чему такое видение, или явный сон? – Не иначе к чему-то грандиозному. Неужели те, представившиеся мне грандиозные похороны – похороны эпохи... Кого, или что хоронить будем? Сердце сжалось и защемило. «Нужно показаться доктору, что ли?» – подумал он.

На следующий день он дал телеграмму управляющему «Кургана» отправить в Ростов на мясокомбинат партию овец и самому присутствовать при отправке. «Присутствовать при отправке» – он написал напрасно. Управляющий явно был жулик в современном поимании, а может быть и того хлеще, но он был не дурак. Никогда не требовали присутствия, всё и без того выполнялось очень чётко и, конечно, полковник о его чёткости был осведомлён... и вдруг... присутствуй. Значит кому-то нужно оторвать его от посёлка, от родного места, где он всегда был в безопасности.

На железнодорожную станцию полковник послал уже четыре дня ожидающий отправки отряд. Нужно было чуть ли не тайно, без фанфар задержать деликатно управляющего и привезти в Новочеркасск, для беседы, под видом знакомства с хозяином. Отправить потом его с двумя полицейскими, а остальному отряду, уже без управляющего произвести тщательную ревизию и проверку всех закоулков дальнего хозяйства.

Конечно управляющий на станцию не приехал, а с овцами послал толкового паренька, для оформления всех процедур. И ещё послал тайно наблюдающего человека. Ещё наблю-

дал прикормленный из крааля работник железнодорожной станции. И дежурили пара верховых на лихих жеребцах из крааля для несения информационной службы.

Начальник отряда посланного Дончаком – подполковник Юсупов управляющего раскусил. Чтобы не было никакого шума он собрал свой отряд и тихо уехал обратно в Новочеркасск. Дончак согласился, что предложение отсылать партию овец самому управляющему – и было очень прозрачным предупреждением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.